

ШКОЛЬНЫЙ ВЕСТНИК

10/2014

Учредители
журнала:

ОАО «Молодая
гвардия»
и коллектив
редакции

Главный
редактор

Ю.И. Кочетков

Редакционная
коллегия:

С.В. Винокурова

В.З. Денискина

Г.С. Еремеев

И.Н. Зарубина

О.В. Клековкина

Ю.И. Котов

В.В. Кулешов

И.И. Семёнова

Г.А. Смирнов

А.В. Тимофеев

А.П. Торопцев

О.В. Шевкун

СОДЕРЖАНИЕ

ДЛЯ ВАС, РОДИТЕЛИ И УЧИТЕЛЯ

Татьяна Лактионова. Физический эксперимент в школе для слепых детей

1

НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА

Сергей Тавлинов. Военная кампания 1916 года

7

Николай Антонов. Тропинка первая моя

19

Марина Виноградова. Доброму добрая память

24

Юрий Кочетков. Мои встречи с Маратом Васильевичем Бирючковым

29

ПРОБА ПЕРА

Творческие работы учеников Челябинской школы № 127 для слабовидящих детей

33

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Валерий Михайлов. Тайна Лермонтова

36

Михаил Лермонтов в русской поэзии

49

АЗ, БУКИ, ВЕДИ

Алёна Рулёва. Стихи

57

Ирина Антонова. Тайна гранатовых зёрен

59

Сергей Георгиев. Запахи миндаля

75

ПРАКТИКУМ ЭСПЕРАНТИСТА

88

ЗАТЕЙНИК

94

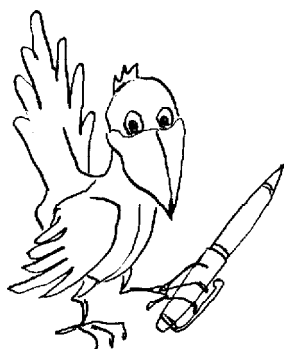

ДЛЯ ВАС, РОДИТЕЛИ И УЧИТЕЛЯ

Татьяна Лактионова

ФИЗИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В ШКОЛЕ ДЛЯ СЛЕПЫХ ДЕТЕЙ

Творческая активность учителей физики в совершенствовании демонстрационного эксперимента, улучшении постановки лабораторных работ и физического практикума неисчерпаема. Опыт, накопленный передовыми учителями и методистами по методике и технике физического эксперимента, представляет интерес для преподавателей и оказывает помощь учителям.

Необходимо создание такой системы учебного демонстрационного эксперимента, которая соответствовала бы требованиям современной программы и одновременно учитывала бы наиболее значительные изменения в системе учебного оборудования школы.

Обучение физике слепых детей имеет свои особенности, это обусловлено или полным отсутствием, или лишь незначительным остатком зрения у учащихся. Поэтому на уроках физики в большинстве случаев учителя могут ориентироваться только на слух и осязание учеников. На слух они воспринимают не только устное изложение

учебного материала, но и лабораторные работы и демонстрационные опыты.

Все учебно-наглядные пособия, применяемые при работе со слепыми обучающимися, можно разделить на три группы:

— пособия массовой школы, не требующие никаких видоизменений;

— пособия, требующие незначительных конструктивных изменений;

— пособия, требующие добавления к ним рельефной шкалы и надписей по Брайлю.

Новый учебный эксперимент, как правило, появляется в результате развития новых методических идей. Однако экспериментальная база преподавания, наличие того или иного оборудования влияют на детали и характер изложения материала и этим в значительной мере определяют качество знаний учащихся. Поэтому при изучении материала в учебнике описаны два или три варианта одного и того же опыта, для постановки которого в кабинете физики должно быть необходимое оборудование.

Для проведения описанных в учебнике демонстрационных опытов в основном используется типовое оборудование, предусмотренное «Типовым перечнем учебно-наглядных пособий и учебного оборудования для общеобразовательных школ». Преподавание физики слепым обучающимся надо проводить в кабинете физики, который по своему оборудованию не только не должен уступать кабинету физики массовой школы, но даже превосходить его по количеству приборов и специальных пособий для слепых детей.

При решении современных учебно-воспитательных задач, стоящих перед школьным курсом физики, возра-

стает роль учебного физического эксперимента. Так, ведущая идея современного преподавания физики — генерализация учебного материала на основе теории — определяет место как демонстрационного, так и лабораторного эксперимента при рассмотрении исходных опытных фактов и построенных на их основе моделей знакомства со следствиями законов и их практическим применением.

Учитывая необходимость психолого-дидактического обеспечения лабораторного практикума и физического эксперимента для слепых обучающихся, в методике и технике проведения физического эксперимента можно выделить следующие тесно взаимодействующие и взаимосвязанные структурные элементы:

- техника экспериментирования;
- технические средства школьного физического эксперимента и лабораторных работ для слепых обучающихся;
- проведение лабораторных работ;
- методика организации восприятия физического эксперимента и лабораторных опытов;
- методика использования физического эксперимента и лабораторных опытов при обучении незрячих школьников физике.

Организация проведения эксперимента и лабораторных опытов для слепых обучающихся включает:

- рациональное использование времени урока;
- удобное расположение приборов для работы;
- различные приёмы организации труда учащихся при выполнении того или иного лабораторного опыта.

Управление восприятием учащихся в процессе физического эксперимента осуществляется при использовании следующих элементов:

— аргументации деятельности учащихся, определения совместно с ними целей и плана осуществления опытов;

— использования различных видов инструктирования;

— установления темпом проведения опыта, соответствующего темпу восприятия материала учащимися;

— формирования у школьников навыков наблюдения;

— повторения опыта целесообразное число раз.

В зависимости от учебно-воспитательных задач, темы урока или пройденного материала необходима активизация познавательной деятельности учащихся, развития их познавательных интересов и творчества в ходе подготовки и проведения физического эксперимента и лабораторных работ.

Концепция этой деятельности такова: так как демонстрационная часть разделов физики определена для детей с полными сенсорными возможностями, то как учитель физики в школе для незрячих и слабовидящих я определила для себя одну из главных задач — адаптацию демонстрационных опытов и лабораторных работ для слепых детей на уроках физики.

Естественно, что полная адаптация возможна только для самых простых практических действий с использованием ограниченного количества приборов и оборудования, адаптированных для обучения слепых детей. Поэтому все работы адаптированы частично, а демонстрационные опыты показываются индивидуально каждому учащемуся (кроме детей с хорошим остаточным зрением). Это очень важно, так как практический опыт и наука доказали, что мышечная память у тотально незрячих детей с глубоким нарушением зрения является долговременной, а иногда и незабываемой.

Имеющиеся учебники и пособия, рассчитанные на зрячих учеников, особенно последних выпусков, на каждой странице переполнены графиками, рисунками, таблицами и наглядными схемами. Они не учитывают особенности восприятия информации незрячими детьми. Учебника физики, написанного специально для слепых учащихся, не существует. Поэтому моя вторая задача — объяснить сложное просто и сконцентрировать информацию о самой сути явлений в письменном виде для конспектирования. Это обеспечит детям возможность вернуться к изложенному материалу по записям, повторить его и включить в уже имеющуюся у них систему знаний по физике. Поэтому логика объяснения и демонстрация причинно-следственных связей должны обеспечивать полную картину рассматриваемых физических явлений.

Математический аппарат является базой физических знаний. Брайль записывается в строчку, точечные идеальные образы формул, уравнений громоздки и не удобны для наблюдения полной картины. Но особенно сложны для манипулирования и комбинирования действия с математическими символами. Поэтому важно с самого начала изучения физики при записи формул и решении задач приучать учащихся к правильным записям, что я и делаю с использованием специальных карточек с Брайль-символами. Работа учащихся с карточками строится по следующей схеме:

- запоминание Брайль-символов;
- умение манипулировать формулами;
- запоминание значений единиц измерений физических величин и общих действий, которые понадобятся в дальнейшем при изучении физики.

Метод лабораторных работ предполагает самостоятельное воспроизведение учащимися того или иного физического явления с выводом его закона или определения физических величин. Значение лабораторных работ в школе слепых особенно велико, и проведение их должно быть обязательным. Самостоятельное проведение учениками лабораторных работ требует проявления их активности, так как им самим по указанию учителя надо собрать необходимую установку приборов и самостоятельно вести наблюдения воспроизводимого физического явления или производить измерение физических величин.

Привитие учащимся активности в приобретении знаний составляет одну из основных задач школы. Проявление активности незрячим учеником позволяет ему полнее и глубже использовать имеющиеся у него компенсаторные возможности при восприятии, анализе воспринятого и при изучении нового материала о физических явлениях.

Самостоятельная работа с приборами развивает творческую изобретательность учащихся. Иногда они находят более рациональные способы проведения лабораторных работ и демонстрационных опытов. Работа с приборами развивает у учащихся практические навыки. Лабораторные работы имеют и большое воспитательное значение, так как они развивают у детей самостоятельность, одно из важнейших качеств личности. Ученик чувствует личную ответственность за проводимую работу. Практическая работа дисциплинирует учащихся, прививает им культуру труда.

НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА

Сергей Тавлинов

ВОЕННАЯ КАМПАНИЯ 1916 ГОДА*

На 1916 год каждая из воюющих сторон на Западном фронте планировала большое наступление. Командование Антанты рассматривало для этой цели бассейн реки Соммы. Необходимое для наступления увеличение численности армий было достигнуто путём формирования десятков новых пехотных дивизий, в том числе английских добровольческих. Особенно активно пополнение английской армии началось после введения 27 января всеобщей воинской повинности. Не имея сил для наступления на широком фронте, германское командование решило нанести решающий удар по французской армии в самой «жизненно важной точке» Западного фронта — Верденской крепости на реке Мёз, считавшейся у французов «пассивным сектором» обороны.

Верден прикрывал путь к Парижу. Он был окружён двумя кольцами фортов и четырьмя позициями полевой обороны. Глубина обороны достигала 15 км. Но все крепостные орудия Вердена ещё в 1914 г. были сняты и отправлены на фронт. Гарнизон Вердена состоял из трёх дивизий и одной резервной. Против них в январе —

---

*Продолжение. Начало читайте в № 1 за 2014 г.

начале февраля 1916 г. Фалькенгайн собрал двенадцать дивизий в составе Пятой германской армии. Для артиллерийской поддержки было собрано 1 225 орудий, в том числе 542 тяжёлых, из которых тринадцать 420-мм «Больших Бертов» и семнадцать 305-мм гаубиц «Шкода». Подвезено до 2 500 000 снарядов. Оборона французов должна была прорываться на фронте протяжённостью в 13 км. На участке прорыва были сосредоточены три корпуса и до 75% артиллерии. Плотность артиллерии на направлении главного удара достигла 110 орудий на 1 км фронта. Длительная подготовка к наступлению была замечена французами, и гарнизон Вердена был увеличен до 8 дивизий при 634 орудиях.

21 февраля ранним утром началась девятичасовая артподготовка, после которой атакующая немецкая пехота захватила полуразрушенную первую линию обороны. 25 февраля пал стратегически важный форт Дуомон. Казалось, Верден вот-вот падёт. Однако прибывший в этот день в Верден представитель французского командования Кастельно правильно оценил обстановку и приказал удерживать передовые позиции любой ценой. Для выполнения этого решения был назначен сторонник оборонительной тактики войны — генерал Филипп Петен. Он сразу определил приоритеты обороны: координация действий артиллерии и организация непрерывных поставок боеприпасов и пополнения. Было собрано свыше 3500 машин (позднее их количество было доведено до 6000), которые круглые сутки подвозили необходимые гарнизону припасы по шоссе, прозванному «Священный путь». Пополнение двигалось по придорожным полям. В результате продвинувшиеся к 27 февраля на 6 км к городу германские войска были со страшными

потерями остановлены. До Вердена оставалось не более 5 км, но немцы преодолеть их так и не смогли. Весь март шли бои за форт Во на восточном берегу Мёза. Тринадцать раз руины деревни Во переходили из рук в руки, но форт остался за французами.

Тяжёлое положение французов под Верденом настоятельно требовало активизации русских армий на Восточном фронте. По приказу Ставки 18 марта войска общей численностью около 365 000 человек (из Пятой армии Западного и Второй армии Северного фронтов) перешли в неожиданное для германцев наступление у озера Нарочь. Русским войскам удалось захватить первую линию вражеской обороны. Германское командование начало срочную переброску сил с австрийского участка и двух германских дивизий из Франции, что привело к прекращению атак под Верденом. В конце марта контрудар немецких войск и начавшаяся сильная оттепель остановили русское наступление. Потери русских войск в Нарочской операции достигали 150 000 человек против 20 000 у германцев. Но французский фронт был спасён от прорыва, цель отвлекающего удара была достигнута.

Стойкая оборона французских солдат и отвлекающая операция русской армии позволили французам к началу апреля подтянуть резервы, тяжёлую артиллерию и укрепить позиции. План Фалькенгайна провалился. Тогда германское командование решило расширить фронт до 30 км. Начавшаяся 9 апреля операция длилась четыре дня и закончилась фактически безрезультатно с большими потерями с обеих сторон. В мае развернулись бои за главную высоту Морт-Омм, которую немцы взяли 8 мая. Дальнейшее германское наступление на

соседние укрепленные откосы фактически захлебнулось. Французская тактика «активной защиты», то есть постоянные контратаки противника, вела к высоким потерям и у оборонявшихся. 22 мая французские войска попытались отбить форт Дуомон, но потерпели неудачу. 7 июня три германских корпуса при поддержке 600 орудий в ходе длительных боёв сумели захватить форт Во.

Вскоре главное командование под Верденом было передано от совершенно равнодушного к потерям Петэна к артиллерийскому генералу Невелю, который повысил эффективность французской артиллерии и организовал хорошо спланированные контрудары. Бои 22 — 23 июня стали высшей точкой в сражении за Верден. Удачно обстреляв французские артиллерийские позиции газовыми снарядами с фосгеном («зелёным крестом»), германцы временно лишили французов артиллерийской поддержки. И на форты крепости обрушились несколько элитных немецких дивизий. Но летняя жара и отсутствие воды сделали своё дело. Наступление выдохлось. Вплоть до октября под Верденом установилось временное затишье.

24 октября французам удалось вернуть форт Дуомон, а к 15 декабря территории на восточном берегу Мёза. Сражение под Верденом закончилось. Эта грандиозная битва характеризовалась массовым применением военной техники. Активно велась воздушная война с отработкой массированных бомбардировок позиций противника. Особенно преуспела в этом французская сторона. Успешно использовали французы и автотранспорт. Впервые в истории войн масштабно использовались огнемёты (в основном немецкой стороной), ручные пулемёты и миномёты. Германцами были опробо-

ваны лёгкие ружейные гранатомёты и облегчённые пулемёты. Около 20 000 000 снарядов, выпущенных с начала сражения, неузнаваемо изменили очертания ландшафта. Воронки от снарядов сливались друг с другом, леса были превращены в груды щепок, деревни просто стёрты с лица земли. Применение техники в ожесточённых схватках привело к страшным людским потерям. Из принявших участие в сражении 1 140 000 солдат и офицеров сил Антанты было убито, ранено и пленено более 540 000 человек, а из участвовавших в битве 1 250 000 немцев — не менее 430 000. Тем не менее план германского Генерального штаба обескровить французскую армию и прорваться к Парижу был сорван. Недаром с залитых кровью полей Вердена пришло выражение «Они не пройдут!». Верден стал своеобразным прологом к победе сил Антанты в Великой войне.

Тяжёлые потери на фронтах ещё в конце 1915 г. привели французское правительство к мысли о посылке во Францию русского пополнения. Прибывший в Россию представитель французской военной комиссии запрашивал для французской армии не менее 400 000 воинов в обмен на недостающие в России вооружение и боеприпасы. Николай II и генерал Алексеев предложили послать на Западный фронт лишь одну русскую бригаду, которая будет находиться у французского командования только в оперативном подчинении. Вооружение и продовольствие предоставлялись французской стороной. В январе 1916 года была сформирована 1-я особая пехотная бригада. К маю она уже была под Верденом. Сам факт появления русских войск на Западе и их самоотверженность в бою имели большой психоло-

гический эффект. Формирование заграничного контингента было продолжено. В июле на Салоникский фронт прибыла 2-я бригада. В августе через Архангельск во Францию добралась 3-я бригада. И наконец в октябре на усиление Салоникского фронта была отправлена 4-я русская бригада. Общая численность русских войск за границей превышала 45 000 человек.

На Кавказском фронте ещё в ноябре 1915 г. Юденич начал подготовку к операции по овладению главной турецкой цитаделью на Кавказе — Эрзерумом. Численность армии была доведена до 180 000 человек при 373 орудиях, резерв составил не менее 120 000 человек. Солдаты и офицеры были хорошо подготовлены к войне в горах: снабжены тёплой одеждой, белыми маскхалатами и защитными очками. Противостояла русской армии Третья турецкая армия численностью до 134 000 человек при 322 орудиях. Умелыми перегруппировками войск в условиях повышенной секретности и дезинформацией противника от турок удалось скрыть не только направление и время наступления, но и саму подготовку операции. Турецкое и немецкое командование расслабилось. 9 января после неожиданной артподготовки русские войска перешли в наступление, начав Эрзерумскую операцию. Все турецкие резервы были брошены на отражение этой атаки, но уже через два дня фронт был прорван на самом труднодоступном участке. Преодолевая ожесточённое сопротивление врага, русские воины двинулись на Эрзерумский укреплённый район.

Цитадель Эрзерума защищалась одиннадцатью хорошо укреплёнными фортами, расположенными в две линии на протяжении шестнадцати километров. Проме-

жутки между фортами защищались артиллерийскими батареями и пулемётными гнёздами. Не был укреплен только труднодоступный хребет Карга-Базар. Именно тут и был совершён прорыв в Эрзерумскую долину. 20 января русские солдаты вышли уже непосредственно к фортам крепости. В это время великий князь Николай Николаевич, опасавшийся за успех операции, отдал приказ Юденичу прекратить наступление и отойти к Карсу. Но генерал Юденич отказался выполнить приказ и взял дальнейшую ответственность за успех операции на себя. Три недели войска готовились к штурму. Для непосредственного участия в штурме было выделено около 60 000 человек при 211 орудиях. 11 февраля в 14.00 началась артподготовка, а в 23.05 русские войска десятью колоннами одновременно атаковали крепость. Ни тридцатиградусный мороз и метель, ни сотни турецких пулемётов и орудий не могли остановить натиска. На пятый день штурма основные форты были взяты, русские войска обошли турок западнее Эрзерума. Девять турецких дивизий оказались в окружении. Разгром Третьей турецкой армии был полным. В 5 часов утра 16 февраля в Эрзерум вошли наши войска. Известие о славной победе русского оружия стало совершенно неожиданным даже для союзников. Китченер и Жоффр признали эту операцию блестящей. Общие потери турецких сил убитыми, ранеными, обмороженными и пленными за всю Эрзерумскую операцию составили не менее 70 000 человек. Русские потери оценивались в 17 000 человек.

Одновременно, желая оказать помощь окружённому в Эль-Кутии англо-индийскому корпусу, командование Кавказского фронта отправило свои части в наступле-

ние на Мосул и Багдад. Пытаясь остановить русское наступление, германо-турецкое командование стало срочно перебрасывать войска от Эль-Кута. Но англичане не смогли прорвать и эту ослабленную осаду. 29 апреля 9 000 голодных и больных солдат Таунсенда сдались туркам. Русское наступление на Ирак потеряло смысл.

В ходе Эрзерумской операции Юденич начал наступление на портовый город Трапезунд, являвшийся базой по снабжению турецких войск на Кавказе. Планировалось захватить угольный район Зунгулдака и тем самым лишить топлива германо-турецкий флот. 5 февраля Приморский отряд генерала Ляхова численностью до 20 000 человек при поддержке кораблей Батумского отряда перешёл в наступление на Трапезунд. Мощные турецкие укрепления на побережье сметались огнём корабельной артиллерии. 2 мая в город вошли русские войска. Трапезунд превратился в базу русских сил на Черноморском побережье.

В конце мая 1916 г. наконец состоялось генеральное морское сражение, долго ожидаемое военно-морским командованием и английского, и германского флотов. Эта битва, известная как Ютландское морское сражение, по праву считается величайшим морским сражением Первой мировой войны. Великобритания и Германия потратили на подготовку к этому дню десять лет и десятки миллионов марок и фунтов стерлингов, создав самые мощные военно-морские флоты в истории. И 31 мая 1916 года эти бронированные армады, имевшие на вооружении чудовищные орудия неслыханной ранее мощи и самые совершенные системы управления огнём, сошлись в решающем бою.

До этого возглавлявший с начала 1916 г. германский Флот Открытого моря Р. Шеер вёл тактику на выманивание отдельных отрядов англичан, чтобы уничтожить их мощью всего своего флота. На 1 июня намечалась масштабная операция в проливе Скагеррак у берегов Ютландии. Перехват немецких радиogramм позволил англичанам сыграть на опережение. Поздно вечером 30 мая британский «Гранд-Флит», флот обороны метрополии, в составе 151 корабля (в том числе 28 дредноутов, 9 линейных крейсеров, 8 броненосцев и 106 лёгких крейсеров и эсминцев) с 60 000 моряками на борту под командованием адмирала Джеллико вышел в море.

31 мая по ранее намеченному плану к проливу Скагеррак под командованием Шеера направился германский флот. Он насчитывал 99 кораблей (в том числе 16 дредноутов, 5 линейных крейсеров, 6 линкоров, 72 лёгких крейсера и эсминца) с 36 000 моряками на борту. В 14.40 31 мая западнее пролива Скагеррак противники столкнулись. Авангардные силы германского флота стали заманивать под удар своих основных сил авангард англичан. Попав под меткий огонь германских артиллеристов, англичане потеряли сразу два линейных крейсера. Обнаружив подход всего германского флота, английские корабли повернули назад. В ходе преследования немцами были потоплены ещё один линейный крейсер и два броненосца. А в 18.00 уже весь немецкий флот попал под обстрел подошедших кораблей «Гранд-Флита». Англичане пытались дугой охватить противника. Вскоре, стремясь отступить, но заблудившись в тумане, германский флот оказался в центре боевых порядков англичан и стал нести потери. Наступившая

ночь не остановила сражение. Около половины третьего утра 1 июня германскому флоту удалось с потерями прорваться к своему берегу. В 11.00 в свои гавани стал возвращаться английский флот. Ютладское сражение закончилось. Немцы потеряли 11 кораблей, а 9 дредноутов и линейных крейсеров получили тяжёлые повреждения. Погибли и были ранены 3 058 моряков. Потери англичан были серьёзнее: флот потерял 14 кораблей, погибли, были ранены и попали в плен 6 784 моряка.

Обе стороны объявили себя победителями. Германия считала себя победителем из-за большего тоннажа потопленных вражеских кораблей. Британия же — в связи с тем, что поле боя осталось за английским флотом, а германский флот ретировался. По итогам сражения британский флот сохранил своё господство на морях, а вот германский линейный флот перестал до конца войны предпринимать активные действия. Зато вновь началась неограниченная подводная война.

Желая вернуть утраченные позиции на Кавказе, германо-турецкое командование в мае начало наступление на Трапезунд и Эрзерум силами Третьей армии (150 000 человек) и переброшенной с Дарданелл Второй армии (100 000 человек). В развернувшихся в июне — июле встречных сражениях турки были отброшены. 16 июля русские войска в ходе контрнаступления заняли Байбурт, а 25 июля — Эрзинджан. Путь в центр Малой Азии был открыт. 5 августа войска Второй турецкой армии атаковали русские позиции на огнотском направлении, захватили Битлис и нацеливались с юга на Эрзерум. Складывалось крайне опасное положение. Создав из армейского резерва ударные отряды общей численностью до 30 000 человек, Юденич нанёс неочи-

данный фланговый контрудар по наступающим туркам. В боях 17 — 24 августа противник был отброшен к Евфрату. Вплоть до 10 сентября продолжались встречные бои на эрзерумском и огнотском направлениях. Затем турецкая сторона перешла к обороне. Обе стороны понесли в этих сражениях значительные потери. Турки потеряли не менее 55 000 убитыми, ранеными и пленными, а русские — более 20 000. Итоги летне-осенней кампании привели к тому, что поредевшие турецкие армии уже не могли больше держать устойчивый фронт на Кавказе. Русское командование, наоборот, намечало на 1917 год глубокое вторжение в Турцию и проведение десантной операции по захвату Константинополя.

В середине мая на Итальянском фронте итальянская армия едва не потерпела поражение во время мощного австрийского наступления в Трентино (15 мая — 25 июня). Силами двух армий общей численностью не менее 170 000 человек при 2 000 орудиях австрийцы попытались окружить на Изонцо Первую итальянскую армию (около 130 000 человек при 623 орудиях) и разбить её. Уничтожив артподготовкой оборонительные укрепления итальянцев, австро-венгерской пехоте удалось отбросить противника в глубь обороны почти на 20 км. Дальнейшее австрийское продвижение к концу мая было остановлено, а начавшееся в начале июня русское наступление привело к отводу значительной части австро-венгерских войск в Галицию. Это позволило итальянцам усилить оборону и перейти 16 июня в контрнаступление. В итоге австрийцы вернулись на свои прежние позиции. Потери в Трентинской операции составили убитыми, ранеными и пленными у итальянцев около 147 000 человек, а у австро-венгров — до 81 000.

Только в первой половине августа итальянским войскам удалось наконец изменить линию фронта, продвинувшись севернее города Горицы. В ходе наступления, получившего название Шестой битвы при Изонцо, итальянцы захватили Горицу и не менее 20 000 пленных. Общие потери итальянской армии убитыми, ранеными и пленными составили не менее 74 000 человек. Потери австро-венгерских войск доходили до 81 000 человек. Повторявшиеся затем в период с 14 сентября по 4 ноября ежемесячные итальянские наступления (Седьмая, Восьмая и Девятая битвы при Изонцо) не принесли никакого результата, кроме оттягивания сил австро-венгерской армии с Восточного фронта и больших потерь личного состава, составивших у итальянцев до 111 000 человек, а у австро-венгров до 115 000 человек.

*Продолжение читайте в следующем номере
журнала.*

ТРОПИНКА ПЕРВАЯ МОЯ

«Всему, что необходимо знать, научить нельзя, учитель может сделать только одно — указать дорогу».

Р. Олдингтон

Светлой памяти учительницы моей первой Елизаветы Васильевны Елифанкиной, отдавшей всю свою жизнь нелёгкому делу воспитания и обучения слепых детей, — посвящаю.

Быстротечны дни нашего земного бытия! Время делает свою неизбежную и неотвратимую работу, обращая в прах и унося в вечность всё сущее в этом мире. Оно безвозвратно стирает в памяти события и факты нашего прошлого. Но пока жив человек, в его сознании в мельчайших подробностях сохраняются образы людей, события, даты, которые имели решающее значение в определении и выборе жизненного пути.

Одним из таких главных событий в моей жизни был день начала учёбы в школе для слепых детей — первое сентября 1960 года.

В класс вошла молодая, невысокая, строгая женщина. Она, попросив всех встать, по-учительски громким, хорошо поставленным голосом с нами поздоровалась и представилась. Её звали Елизавета Васильевна Елифанкина. После окончания педагогического училища она уже проработала в школе для слепых детей 12 лет и была опытным тифлопедагогом.

Елизавета Васильевна рассказала нам о школе, о правилах поведения на уроках, о режиме дня. В классе нас было 8 человек. Трое — тотально слепых, и пятеро детей имели небольшое остаточное зрение, которое позволяло им обучаться только по системе Брайля.

Следующим был урок обучения письму. Елизавета Васильевна раздала нам письменные приборы, тетради, грифели. Показала, как вставлять тетрадный лист в прибор для брайлевского письма, как правильно держать грифель и пользоваться им. Для овладения навыками письма мы должны были писать шеститочие. У меня не сразу всё получилось. Я пытался не прокалывать бумагу лёгким нажатием на грифель, а крутил его в разные стороны. Увидев мои затруднения, она подошла ко мне и, взяв мою руку в свою, показала, как надо накалывать точки. На этом же уроке мы освоили написание букв «а» и «у».

Потом был урок чтения. Елизавета Васильевна раздала всем буквари, объяснила, как положить руки на страницу для того, чтобы легче и быстрее распознавать текст. Надо было освоить чтение уже известных нам букв «а» и «у» и соответствующих слогов, составленных из этих букв.

Начались мои школьные будни.

Елизавета Васильевна умела так построить уроки, что мы никогда не уставали, всегда получали что-то новое для нас, ещё не познанное. Она стремилась по возможности максимально приблизить обучение к практической жизни, создавая на своих занятиях соответствующие реальные жизненные ситуации. Например, на уроках математики мы постоянно играли в магазин, покупая и продавая друг другу разные товары.

А уроки природоведения в тёплое время года она предпочитала проводить в форме экскурсий, справедливо считая, что её ученики от таких уроков получают более конкретные и нужные для жизни знания.

Мы ходили в лес, в поле, на реку, посещали животноводческие фермы. Как много знала наша учительница! С каким увлечением она рассказывала нам о растениях, о животных, о птицах и насекомых, всегда обращая наше внимание на их место в природе, отличительные признаки, свойства, практическую пользу, которую они приносят людям.

Елизавета Васильевна не только рассказывала нам о растительном и животном мире, но и стремилась создавать в нашем воображении реальные образы его представителей. Детей с остаточным зрением она учила пользоваться специальными алгоритмами зрительного восприятия, формируя у них более полные образы предметов и явлений живой и неживой природы. А тотально слепых детей учила распознавать окружающий мир на ощупь, на вкус, на запах. Всё, что можно, она старалась дать нам потрогать, понюхать, лизнуть языком, откусить или даже съесть.

Она давала нам в руки травинки, ветки, цветы. По очереди подводила каждого слепого ребёнка к дереву, и мы трогали руками его кору, сучья, листья, обучаясь на ощупь, на вкус или запах распознавать их по названиям.

Елизавета Васильевна объясняла, что и как сажают в поле и в огороде, показывала выращенное, учила различать овощи и фрукты, рассказывала о различных орудиях труда и сельскохозяйственных машинах.

Мы не только слушали и запоминали её объяснения, но и сами учились выращивать цветы и овощи. Зимой

в классе на подоконниках, а летом на пришкольном участке. Эту работу тотально слепые дети выполняли наравне с детьми, имеющими остаточное зрение. Она не только в совершенстве владела методиками теоретического обучения слепых, но и методиками обучения их основным трудовым навыкам и практическим действиям, постоянно внушая нам, что слепые могут выполнять любую работу наравне с видящими. Наша учительница учила нас узнавать голоса птиц и животных. Если животное невозможно было услышать, она умело имитировала его голос. Благодаря этим не совсем обычным урокам моей учительницы я и сейчас могу различать многие деревья и травы, произрастающие в нашей местности, самостоятельно могу посадить и вырастить цветы и овощи. А по голосам узнаю почти всех птиц и животных.

С первых дней пребывания в школе Елизавета Васильевна прививала нам навыки самообслуживания, правила личной гигиены. На уроках труда и домоводства мы учились пользоваться различными инструментами, шили, пришивали пуговицы, изготавливали разные поделки из бумаги, глины, пластилина, чистили картошку и учились готовить простые блюда. Как пригодились мне в жизни полученные тогда эти элементарные умения и навыки!

Наша учительница хорошо понимала трудности привыкания к жизни вдали от дома и от родителей. Она стремилась создать для нас домашнюю обстановку и уют не только на своих уроках, но и после них. После уроков она часто приводила нас к себе домой, где мы играли с её сыном Мишей и ели варёную картошку с квашеной капустой, солёными грибами и огурцами.

Какой вкусной и домашней казалась нам эта обычная для деревенских жителей того времени пицца!

Уже с первого класса моя учительница своим педагогическим чутьём угадала у меня способности к учительскому труду и активно стремилась их развивать. Я не был лучшим учеником, но когда мы уже свободно научились читать и писать, она доверяла мне проверку тетрадей одноклассников, поручала проведение занятий с отстающими. А всем другим детским играм для меня были предпочтительней игры в школу, где я неизменно был учителем и, подражая своей учительнице, проводил уроки не только для учеников нашего класса, но и для более старших детей.

Прошли годы. Я стал учителем. Много тропинок и дорог мне довелось пройти в своей жизни. Далеко не всегда они были прямыми и ровными! Но начало всему пути положила та моя первая школьная тропинка, по которой четыре самых трудных года вела меня Елизавета Васильевна. Её уже давно нет среди нас, но есть мы, её ученики, и в каждом из нас часть её души, её сердца, её жизни.

ДОБРОМУ ДОБРАЯ ПАМЯТЬ

Удивительная штука — память. Учась в одной школе и проживая одни и те же события, мы с удивлением узнаём, что одноклассники помнят совсем не то, что отложилось в нашей памяти, что каждый помнит что-то своё. Я поймала себя на том, что очень мало помню из детства и юности, слишком мало. Может потому, что никто не может напомнить. Так случилось, что мне пришлось не один раз менять школу-интернат для слепых детей. Когда я в очередной раз в десятом классе сменила школу, то попала в очень сильный класс. Ребята в классе были очень способные, каждый в чём-то своём. Юра был очень силен в математике, Саша блистал знанием английского языка, весь класс учился хорошо. А я пришла из слабого класса, хотя оценки были высокие, но они ничего не значат, когда вы учитесь в слабом классе.

Честно скажу, мне поначалу было нелегко. А тут на мою беду добавилась ещё одна проблема. В старой школе я учила немецкий язык, а в этой его не было. Только английский. И мне сказали, что придётся быстро пройти весь английский — с пятого класса до десятого. Пришлось засесть за учебники, и английский с самого начала учить и остальные предметы подтягивать. Я уходила на четвёртый этаж, где, как правило, никого не было, и в тишине учила, учила, учила, чтобы догнать своих новых одноклассников. В это время и произошла у меня встреча с человеком, который оставил в моей памяти неизгладимый след.

Наша учительница английского языка Лидия Васильевна Новикова по собственной инициативе взялась помогать мне. До сих пор не знаю, что двигало ею: то ли добросовестное отношение к работе вообще, то ли милосердие, то ли симпатия лично ко мне. Но только она сказала, что после уроков будет заниматься со мной английским дополнительно. Она заранее предупреждала меня, когда сможет со мной позаниматься, находила свободное помещение, и мы сидели с ней вдвоём иногда часа два. Не помню уже, как мы занимались английским, зато хорошо помню, как после упражнений, переводов и пересказов она всегда произносила слова, которые я ждала с нетерпением: «А теперь что-то интересное...», и дальше читала какой-нибудь рассказ из журнала «Иностранная литература», рассказывала что-то о книгах, писателях или вдруг неизвестное мне о Константине Симонове и Валентине Серовой или о Надежде Аллилуевой и Сталине.

Лидия Васильевна научила меня читать книги, получать радость от чтения, обращать внимание на язык автора, на интересные находки, наблюдения и мысли автора, а не только следить за сюжетом. До сих пор помню, как мы с ней обсуждали прочитанное. Она всегда, закончив чтение, спрашивала меня, что я об этом думаю. Я сначала стеснялась, но со временем научилась формулировать свои мысли и смело выкладывала своё мнение. А Лидия Васильевна потом высказывала своё видение прочитанного, обращала внимание на то, что я не заметила, подводила итоги нашей маленькой дискуссии.

Много лет прошло, а я всегда помню эти наши «посиделки». А почему? Наверное, потому, что было в них, кроме интересных разговоров, ещё что-то едва улови-

мое, чему не могу подобрать слово. Можно считать большой удачей, когда в ваши 16 — 17 лет рядом окажется взрослый умный и добрый человек, который щедро поделится своими знаниями, мыслями, наблюдениями, даст совет, научит размышлять над прочитанным, научит общаться с людьми, ответит на те вопросы, на которые не можешь сам найти ответ.

После окончания школы каждый раз в День учителя хотелось позвонить любимым учителям из своего далёкого города. Таких учителей из разных школ было всего несколько, и среди них моя добрая волшебница моего десятого московского класса. Хотя мы в День учителя вспоминаем своих учителей, но работа, домашние дела, маленькие дети и прочие заботы мешают найти время и позвонить, сказать те слова благодарности, которые живут в душе. Не помню, когда это было, но только одноклассник Юра сказал мне, что Лидия Васильевна в связи с болезнью оставила работу, и дал мне её телефон. В очередной День учителя я была дома, отложила все дела и набрала её номер телефона и услышала такой знакомый голос. Я сказала Лидии Васильевне всё, что давно копилось в моей душе, сказала, как много значили для меня её уроки жизни, что я всю жизнь благодарна ей за них и за её человеческое участие в моей жизни. Лидия Васильевна была дома одна, она была уже очень больна, говорила с трудом, но я почувствовала, что она обрадовалась моему звонку.

Воспоминание об этом нашем телефонном разговоре теплом ложится на душу. Через несколько месяцев её не стало, но я успела сказать ей, как много сделала она для меня, как высоко ценю я это и как благодарна ей всю жизнь.

С тех пор я поняла, как важно успеть сказать людям то, что они заслуживают, поняла, что всегда нужно находить время и слова, чтобы поблагодарить тех, кому мы многим обязаны.

Снова на улице октябрь и очередной День учителя. В этот день я обязательно вспоминаю своих учителей. Их было много. Были среди них хорошие, были очень хорошие... Я вспоминаю их и думаю, что наши учителя сделали для нас не меньше, чем родители. Мы были такими смешными максималистами, весь мир делили на чёрное и белое, так строго судили, в том числе и наших учителей. О, наши учителя, такие далёкие и всё равно близкие, как мне хочется сейчас поблагодарить вас за справедливость, за любовь, которую мы всегда чувствовали за вашей строгостью, за ваши уроки жизни, за первые наши влюблённости не в одноклассников, а в вас, наши учителя, воспитатели и тренеры... Наши учителя, наши боги, наши судьи, наши идеалы, спасибо вам за то, чему научили, за то, что согрели теплом своей души, за то, что вырастили в наших душах, за то, что идут годы, а мы помним вас, и тёплая волна благодарности заливает душу. И если бы вы не воспитали нас такими сильными, можно было бы расплакаться, но мы улыбаемся, улыбаемся сквозь грусть.

Хочу сегодня не только вспомнить своих учителей, но и поздравить всех, кто работает в системе образования. И не важно, учите ли вы первоклашек читать и писать или читаете лекции в самых лучших академиях и университетах. Мне хочется поздравить всех, кто сеет разумное, доброе, вечное. Слова эти стали, к сожалению, затёртыми, но именно в этом в самом деле и состоит ваш труд, что бы там не говорили.

Желаю вам, дорогие учителя в самом широком смысле этого слова, здоровья и хорошего самочувствия, творчества в вашей работе, поскольку только творчество даёт колоссальный прилив сил. Желаю высокого авторитета у тех, кого вы учите, и философского отношения к жизни вообще, ко всем её проблемам и перипетиям.

Пусть благодарность ваших бывших учеников, которые вдруг неожиданно приходят в школу, случайно встречаются на улице и, не умея сказать красиво, пытаются сбивчиво сказать вам несколько добрых слов, греет вас. Пусть любовь и тепло души, которые вы отдаёте, вернутся к вам!

Труд учителя — это работа дальнего действия, её результат сразу не виден. Учитель увидит результаты своих трудов лишь через несколько лет, а иногда через годы и годы.

МОИ ВСТРЕЧИ С МАРАТОМ ВАСИЛЬЕВИЧЕМ БИРЮЧКОВЫМ

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Давно это было. Мы, незрячие студенты московских вузов 1970-х годов, почти ежедневно бывали в Российской центральной библиотеке для слепых. Именно так называлась тогда наша библиотека.

Находилась она на Валовой улице, дом 29/33. В подвале было книгохранилище, а на первом этаже уютились все отделы, включая небольшой, но уютный читальный зал. Там же на небольшом пространстве, отделённом стеллажами с брайлевскими книгами, располагалась и первичная организация РИТ (работников интеллектуального труда).

Открыв дверь в библиотеку, посетитель попадал в вестибюль. И днём, и вечером народу там было много. Закона о запрете курения в общественных местах тогда ещё не существовало, поэтому дымно было так, что хоть топор вешай.

Я тоже часто посещал нашу библиотеку. И каждый раз, особенно по вечерам, встречал в вестибюле человека, который много курил и обязательно с кем-то разговаривал о классической музыке, о литературе, о различных моментах отечественной истории. Очень часто обсуждал он мемуары полководцев Великой Отечественной войны и литературные новинки о войне. Старшие товарищи мне сказали, что этот человек — Марат Васильевич Бирючков — здешний библиотекарь, а его

собеседники, как правило, известные в восовских кругах люди: В.Г. Першин, А.В. Вержбицкий, Н.Е. Гапеев, В.С. Васяев. Настоящее моё знакомство с М.В. Бирючковым произошло в 1976 году. Было это так.

Учёба моя в институте подходила к концу. Я выбрал тему дипломной работы — «Особенности редактирования учебной литературы, напечатанной шрифтом Брайля». Конечно же, начинать её надо было с главы, рассказывающей об истории шрифта Брайля, об истории брайлевской печати в России и в СССР. Опять-таки старшие товарищи мне подсказали, что помочь может только Марат Васильевич Бирючков: «Лучшего консультанта и знатока по данным вопросам ты не найдёшь». Вот я и отправился к нему в гости на Люсиновскую улицу.

Почти вся однокомнатная квартира была заставлена стеллажами с книгами и грампластинками. На отдельных полках стояли папки с газетами, журналами, машинописными листами и тетради с записями по Брайлю. «Это мой архив, — с гордостью объяснил Марат Васильевич. — В нём собраны биографические сведения о незрячих учёных, деятелях культуры и искусства, политики, об истории общественных движений незрячих».

Долго мы проговорили в тот день. Узнал я много нового, а главное — получил исчерпывающую консультацию по интересовавшим меня вопросам.

Следующая наша встреча произошла в госпитале для инвалидов и ветеранов Великой Отечественной войны, куда я приехал навестить Марата Васильевича, скрасить, как мне казалось, его одиночество. На деле оказалось, что не только в своей палате, но и во всём отделении он самый уважаемый и известный человек:

кому-то поможет заявление в прокуратуру написать, кому-то письмо во властные структуры, с кем-то по душам поговорит. А медсёстры и санитарки между собой звали его просто «наш Маратик».

Прошли годы. Я стал работать в «Школьном вестнике», Марат Васильевич давно уже был постоянным автором нашего журнала. Однажды, в самом конце 1980-х годов, он позвонил мне и предложил открыть в журнале новую рубрику, в которой рассказывалось бы о достижениях незрячих в области науки, культуры, искусства и общественной деятельности, а также о деятельности зрячих, которые внесли большой вклад в образование, просвещение слепых, в дело лечения и профилактики глазных болезней.

Эту рубрику мы называли «Силуэты». Она на долгие годы стала визитной карточкой нашего журнала. Через несколько лет статьи, опубликованные в ней, были собраны в отдельную книгу, которая в электронном виде была распространена по всем спецбиблиотекам для слепых нашей страны. Эта рубрика существует и сейчас, только выходит редко. И не было в ней пока статьи о Марате Васильевиче Бирючкове, но она обязательно будет.

Мы с Маратом Васильевичем по-настоящему сдружились. Он часто звонил мне и по рабочим вопросам, и просто так: побеседовать, как говорится, за жизнь. Навсегда в памяти моей остался его последний звонок. Марат Васильевич позвонил мне вечером 8 марта 1999 года, как потом выяснилось, за несколько часов до своей кончины. Этот мужественный человек, прошедший все тяготы войны и плена, плакал и не стеснялся своих слёз. Это не были слёзы отчаяния. Это были слёзы от

нескончаемой физической боли. К сожалению, врачи уже ничем не могли ему помочь.

Разговор был недолгим, его последние слова: «Юра, я умираю, свой архив я завещаю родной библиотеке. Думаю, он нужен будет людям».

Конечно, этот уникальный архив нужен. И сегодня, и завтра, и в будущем. Им пользуются и будут пользоваться студенты, аспиранты, научные работники, сотрудники библиотек. Он нужен всем.

ПРОБА ПЕРА

«ШВ» вновь публикует сегодня рассказы и сказки учеников Челябинской школы № 127 для слабовидящих детей, присланные нам Еленой Александровной Митроховой — заведующей библиотекой, педагогом дополнительного образования 127-й школы.

Артём Медников
ученик 1 класса

ЛЕДЕНЕЦ

У меня есть сестра. Она на два года старше меня. Как-то мы отдыхали на Красном море. Мы поехали в дайвинг-клуб. По дороге папа купил нам по большому леденцу. Настя свой леденец уронила и разбила. Она стала просить у меня мой леденец. А я ей свой леденец не дал. Она очень расстроилась.

Мы приехали в клуб. На мою сестру надели костюм водолаза и акваланг, и она отправилась плавать под водой с дельфинами. Когда Настя оказалась на глубине, она пропала из виду.

Я очень испугался за сестру, стал бегать по берегу, по понтонам и кричать: «Настя! Настя! Выныривай! Я тебе леденец отдам!»

Но её, как мне показалось, очень-очень долго не было видно. Когда она наконец-таки вышла из моря, я первый побежал к ней навстречу и протянул ей леденец.

Она засмеялась, лизнула леденец и побежала скорее греться в тёплый душ. Потом мы этот леденец съели. Теперь я всегда делюсь со своей сестрой.

Ира Смольникова
ученица 3 класса

СКАЗКА ПРО ПОТЕРЯННЫЙ ПОРТФЕЛЬ

Как-то раз я потеряла свой портфель. Я долго его искала, но портфеля нигде не было.

Вдруг услышала странное шуршание и пошла на звук. Оказалось, портфель стоял на вахте, а из него торчали каких-то три палки, как будто буква И. Взяла я портфель и отнесла в продлёнку.

Вытащила палки, а на них были написаны какие-то странные слова. Я прочитала слова и сразу услышала чьи-то голоса. Внимательно прислушалась и поняла, что это ворчат портфели.

Один жаловался на то, что хозяин бросает его где попало, а другие ходят и спотыкаются об него. «Ой, как больно!» — чуть не плакал портфель.

Второй портфель жаловался, что в нём постоянно беспорядок:

— То ножницы меня уколут, то вода прольётся, то так за замок дёрнет, что весь вздрогну и подпрыгну.

Третий портфель просил передать своему хозяину, что он весь с синяках. Когда его бросают на пол, ему становится больно и обидно. А если мальчишки дерутся, то и ему достаётся:

— Хозяин стучает мной по спинам других учеников, а когда его самого толкнут, он на меня валится. Так прижмёт, что дыхание перехватывает.

А мой портфель рассказал, что ему очень тяжело, когда много книг и игрушек и если я забываю вытащить из него ненужные вещи.

С тех пор я слежу за порядком в портфеле и оставляю его только в классе у парты. А три палочки куда-то исчезли.

Настя Анянова
ученица 1 класса

КЛОПА

Моего кота зовут Клопа. Он появился у нас в семье, когда мы ещё жили в другой квартире. Мама попросила папу купить картошки. Он пошёл на базар и увидел, что продавали котят. Он купил картошку и Клопу и принёс его домой.

Котенок был такой маленький, что помещался у мамы на ладошке. Клопа оказался очень ласковым и смыслённым, но, правда, нам не сразу удалось приучить его к лотку. Он очень полюбил бегать за ниточкой и смешно кувыркался и махал лапками, стараясь её поймать.

Прошло время, котёнок вырос и изменился, но он всё равно любит играть с ниточкой. Наш Клопа серого цвета, у него есть и полоски, и пятнышки. Он любит покушать, но не любит купаться.

Со своим котиком мне нравится играть, и я его очень люблю.

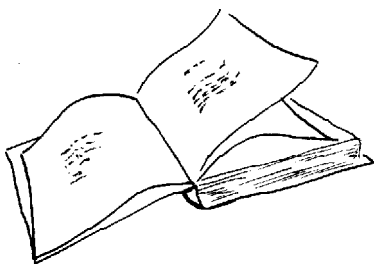
НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Валерий Михайлов

ТАЙНА ЛЕРМОНТОВА

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Всякий человек для людей загадка, но гений — тайна. Тайну Михаила Юрьевича Лермонтова разгадывают уже два века, однако раскрыта ли она? Не сказать, что труды исследователей были напрасны, им удалось многое понять и почувствовать в Лермонтове. Но всё-таки тайна остаётся.

Его сознание пробудилось в самом раннем младенчестве, и связано это пробуждение с песней, которую певала ему мать. В голосе звучали любовь и печаль. Песню он вспомнить потом не мог, но был уверен, что если б услышал её вновь, то сразу бы узнал. Мать умерла, когда ему было всего два с половиной года. Но она успела настроить душу сына на ту дивную внутреннюю музыку, которая впоследствии звучала в нём всегда, до конца дней.

В душе гениального сына образ любимой и любящей матери преобразился в образ Богородицы, «тёплой заступницы мира холодного», и это исполнило его поэзию пречистого молитвенного света. Врождённая религиозность — естество небесного порядка, которое невозможно подделать или вызвать в себе усилиями ума

и воли. Это свойство души, может быть, ещё более редкий дар, чем творческие способности. Оно или есть, или его нет. У Лермонтова оно — было. И он никогда не пытался его выразить в доводах ума. Он просто жил с этим в глубине души. И лишь в заветных стихах сказывался — дух.

Сильнейшее влияние оказал на Лермонтова отец, хотя они и прожили почти в полной разлуке. В образе отца юноша Лермонтов прозревал великую и таинственную судьбу своих шотландских предков. Эти гордые прозрения оказались близки к истине: Лермонты по древности и знатности превосходили род Столыпиных, откуда вышла его властная бабушка. Она всячески превозносила себя над небогатым помещиком, отставным капитаном Лермонтовым, что оскорбляло душу юного поэта и жгло его обидой за отца.

Отец и мать — два самых родных ему человека. А третьим таким человеком стала для Лермонтова его бабушка. Кто знает, как бы сложилась его судьба, если бы рядом с ним не было Елизаветы Алексеевны Арсеньевой с её всепоглощающей любовью к своему «Мишеньке», которая стала смыслом и содержанием её жизни.

Бабушка пестовала внука в Тарханах, жила вместе с ним в Москве, когда он учился в университете, заботилась о нём в Петербурге, в начале его военной службы. Узнав о несчастной дуэли, унёсшей его жизнь, она буквально выплакала очи — ослепла. В 1842 году Елизавета Алексеевна, испросив позволения у государя, перевезла прах Лермонтова из Пятигорска в Тарханы.

В Тарханах он провёл детство и отрочество; здесь возникла его «странная», непобедимая рассудком лю-

бовь к Отчизне; здесь пришли к нему стихи. «Скажи-ка, дядя, ведь недаром...», вполне возможно, подслушано у мужиков-солдат, когда-то сражавшихся на Бородинском поле, — а в Тарханах такие были! Писатель и философ Василий Розанов сказал, что в этом стихотворении «уже взят полный аккорд нашего народничества и этнографии 1860-х годов», — вот какую высоту одолел молодой ещё по годам поэт, воспитанный, как и все тогдашние дворянские дети, казалось бы, целиком на французской культуре.

Впервые увидав в Москве людей света и среди них своих ровесников, он был неприятно удивлён их офранцуженностью — скучной подстриженностью мыслей и чувств. В зрелом же возрасте он лишь утвердился в своём мнении. Хорошо знавший Лермонтова мемуарист Филипп Вигель назвал его руссоманом.

В ряду лучших поэтов золотого века русской литературы Лермонтов, без сомнения, самый русский по духу.

Основа его постижения России — глубокое искреннее чувство и поразительная, провидческая по существу интуиция. Лермонтов всегда был далёк от умозрительных рассуждений; будущее Отчизны открывалось ему стихийно, в образах и видениях.

В 1830 году, в шестнадцать лет, поэт провидит «России чёрный год, когда царей корона упадёт» — страшную картину гибели монархии и разрушительных народных бедствий. Внешне бесстрастное, несколько сомнамбулическое описание этой жестокой катастрофы (смерть и кровь, болезни и голод) только подчёркивает, что юному поэту было дано некое откровение (вряд ли он толком знал подлинные замыслы декабристов о цареубийстве, да и хорошо ему известная история Французской рево-

люции не давала прямого повода для фантазии апокалиптического размаха).

Дар пророчества обычно понимают как способность предсказывать будущее. Лермонтов, несомненно, был наделён таким даром. Это проявилось в его удивительном стихотворении «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...»). За несколько месяцев до роковой дуэли он напрямую увидел собственную смерть — всё так и произошло, до совпадения подробностей. Однако такое явление, как поэт-пророк, значит нечто большее, чем прорицатель будущих событий. Сущность этого явления лучше всех раскрыл философ Иван Ильин:

«Они выговаривали — и Жуковский, и Пушкин, и Лермонтов, и другие — и выговорили, что художник имеет пророческое призвание; не потому, что он „предсказывает будущее” или „обличает порочность людей” (хотя возможно и это), а потому, что через него прорекает себя Богом созданная сущность мира и человека.

Поэт-пророк и сам не знает, что происходит в глубине его души, что зарождается, зреет и развёртывается там. Но когда созревшее наконец выговаривается, это — „прорекающийся отрывок мирового смысла, ради которого и творится всё художественное произведение... прорекающаяся живая тайна”».

Но откуда берутся поэты среди прозаической жизни? Ответ на этот вопрос связан с тайной поэзии, которая так же неуловима для определений, как душа.

Василий Розанов однажды заметил по поводу «несносного» характера Лермонтова, что поэт есть роза и несёт около себя неизбежные шипы, «...и мы настаиваем, что острейшие из этих шипов вонзены в собственное его существо».

Тут нельзя не вспомнить, что счастливые способности к искусствам в Лермонтове домашние и гости Тархан заметили чуть ли не с его младенчества. Едва заговорив, мальчик стал радоваться созвучиям — так зарождалась рифма. Рано начал читать: на русском, французском, немецком, — тяга к литературе с годами только увеличивалась. Превосходно рисовал, был одарён способностями музыканта. Словом, все искусства волновали гениального ребёнка и кипели в нём подобно огненной лаве, сменяясь одно другим и обогащаясь друг другом.

Но пуще всего в нём бушевало воображение. В незавершённой повести о Саше Арбенине, резвом и шаловливом мальчике, заболевшем и надолго прикованном к постели, Лермонтов поведал о скрытом огне душевных грёз, с помощью которых ребёнок преодолевал страдания тела: «Он воображал себя волжским разбойником, среди синих студёных волн, в тени дремучих лесов, в шуме битв, в ночных наездах, при звуке песен, под свистом волжской бури».

Конечно же, это рассказ о самом себе. И он содержит важное признание: «Болезнь эта имела странное влияние на ум и характер Саши: он выучился думать. Лишённый возможности развлекаться обыкновенными забавами детей, он начал искать их в самом себе. Воображение стало для него новой игрушкой». Новая игрушка оказалась огнеопасной — взрослый Лермонтов понял это, когда воображение завладело всем его существом и сделалось содержанием жизни.

Вершиной всего, что занимало его в детстве и отрочестве, стало — слово. Слово всегда приходит позже, когда на смену первоначальным впечатлениям и поня-

тиям приходит мысль, выражающая их суть. Всё, что было в душе юного Лермонтова, переплавившись в горниле воображения, претворилось в стихи. Огненная лавина воображения прорвалась наружу и обернулась лавиной сочинений. Стихи, поэмы, драмы, проза; множество сюжетов, вспыхивающих, как искры.

Его ранняя лирика — пылкие, романтические, сумрачные, мистические монологи, испытывающие глубины собственной души, мирские страсти и человеческий характер. Его первые поэмы — исследование героического начала в человеке, попытка понять вечные законы духовной борьбы (уже в пятнадцать лет написана первая редакция «Демона»). В этом нагромождении стихов, будто в скопище ещё тёмных, необработанных драгоценных камней, впрочем, уже блистали совершенными бриллиантами такие стихи, как «Парус», «Ангел».

Начав «марать стихи» в четырнадцать лет, он только к двадцати двум своим годам ощутил ту полноту душевной и творческой зрелости, которая победила в нём требовательность к самому себе и наконец вывела его — из глубин одиночества — на открытую поэтическую стезю. До этого Лермонтов показывал любопытствующим лишь лёгкие, шуточные стихи и мало кого знакомил со своими серьёзными сочинениями. Скорее всего, по своей исключительной взыскательности он никогда бы не опубликовал большую часть своих произведений, написанных в юности и молодости, — но по его смерти распорядились иначе...

«Бородино» было первым стихотворением, которое поэт сам отдал в печать и подписал своим именем. Но к маю 1837 года, когда оно было напечатано в журнале

«Современник», Лермонтова уже знала вся читающая Россия. Знала по одному стихотворению — «Смерть поэта» — не опубликованному, но переписанному в тысячах и тысячах экземпляров множеством людей.

В январе 1837 года умер раненный на дуэли Пушкин. Лермонтов был потрясён: Пушкина он любил беззаветно. Пуля Дантеса словно бы вонзилась и в Лермонтова — и вырвала прямо из сердца тот мощный пламень, что до этого, невидимо для других, бушевал у него в груди. Неизвестно, как бы сложилась его судьба, и личная и творческая, если бы не эта страшная для России потеря... Возможно, сияние пушкинской поэзии и было самой важной причиной, из-за которой Лермонтов так медлил с печатанием своих стихов: в виду солнца на небе русской поэзии ему не хотелось явиться незаметной звездой...

Стихотворение на смерть Пушкина определило судьбу Лермонтова резко и бесповоротно. Вернее, сам поэт изменил свою жизнь этими стихами. Бесстрашно и безоглядно, повинувшись порыву своего могучего естества.

Николай I получил по городской почте стихотворение Лермонтова с припиской: «Воззвание к революции». За эти непозволительные стихи поэт был арестован и отдан под суд. Наказанием стала ссылка на Кавказ. Если бы не хлопоты бабушки, всё могло бы обернуться для Лермонтова гораздо хуже. Впрочем, Кавказ отнюдь не был тогда курортным местом: там шла война.

Явление Лермонтова было столь ярким и неожиданным, что общество далеко не сразу поняло, что за поэт вдруг возник на небосклоне русской словесности. Литературный критик Георгий Адамович с удивлением отме-

тил, что все современники Пушкина входят в его «плеяду», а вот Лермонтова «туда никак не втолкнёшь»: «...он врывается в пушкинскую эпоху как варвар и как наследник, как разрушитель и как продолжатель, — ему в ней тесно, и, может быть, не только в ней, в эпохе, тесно, а в самом том волшебном, ясном и хрупком мире, который Пушкиным был очерчен. Казалось, никто не был в силах отнять у Пушкина добрую половину его литературных подданных, Лермонтов это сделал сразу, неизвестно как, с титанической силой, и продолжай Пушкин жить, он ничего бы не смог изменить. По-видимому, в самые последние годы Лермонтов сознавал своё место в литературе и своё предназначение. Но в январе 1837 года он едва ли о чём-либо подобном отчётливо думал. Однако на смерть Пушкина ответил только он, притом так, что голос его прозвучал на всю страну».

«Бородино» вышло в свет, когда Лермонтов подъезжал к Кавказу на место новой службы. Жить и творить — отныне уже печатая свои произведения — ему оставалось всего четыре года. В Лермонтове появилось новое качество. Время для него предельно уплотнилось, породив в стихах небывалую энергию содержания. Внешне Лермонтов жил обычной жизнью офицера, светского человека. Но внутри — совершалась совершенно иная жизнь. Душа вошла в область такого высокого поэтического напряжения, что в любое мгновение поэта искрило — стихами, прозой, замыслами, сюжетами. Остаётся загадкой, как он, молодой гусар, сполна отдававший дань службе и общению с друзьями, участвующий в боевых стычках и сражениях, никогда не располагавший настоящим уединением для творчества, смог напи-

сать так много превосходных произведений. Далеко не все они являлись сразу целиком и в совершенном виде. Черновики свидетельствуют о тщательной отделке стихов и прозы, достаточно вспомнить восемь редакций поэмы о Демоне. Одно время он собирался её печатать и даже получил разрешение цензуры, но так и не решился.

Владимир Одоевский однажды спросил Лермонтова, с кого он списал своего Демона? — «С самого себя, князь, — отвечал шутливо поэт, — неужели вы не узнали?» В этой великосветской шутке кроется невольное признание: вся внутренняя жизнь поэта была, как и у Демона, полётом «меж небом и землёй». Лермонтовский Демон отнюдь не дьявольского происхождения. Он — средоточие самой глубокой и самой прекрасной тайны, отражение лермонтовского духа.

Критик Сергей Андреевский писал, что устами Демона поэт излил всю свою неудовлетворённость жизнью, «здешнею жизнью, а не тогдашним обществом, всю исполинскую глубину своих чувств, превышающих обыденные человеческие чувства, всю необъятность своей скучающей на земле фантазии...».

Если в Демоне узнают Лермонтова, то кем же тогда навеян образ Тамары? Судя по всему — Варварой Лопухиной. Ей посвящена третья редакция поэмы, ей же поэт незадолго до гибели отправил свою последнюю переделку поэмы. Лопухиной посвящены «Молитва» («Я, Мать Божия, ныне с молитвою...»), «Валерик», поэма «Измаил-Бей» и другие стихи. Студентом, семнадцати лет, он познакомился с этой милой, «в полном смысле восхитительной» девушкой. Двоюродный брат поэта А. Шан-Гирей вспоминал: «Чувство Лермонтова к ней было

безотчётно, но истинно и сильно, и едва ли не сохранил он его до самой смерти своей, несмотря на некоторые последующие увлечения...». Ни с «Демоном», ни с Лопухиной, ни с мечтой своей об идеальной подруге Лермонтов до конца жизни так и не расстался.

Последние его годы на земле удивительны по накалу творческого горения. Жажда жизни и деятельности тем сильнее в нём, чем острее предчувствие скорой гибели. Его лирика становилась всё проникновеннее, поэмы — мощнее и отточеннее, проза — совершеннее. В эти годы появились такие произведения, как «Молитва» («В минуту жизни трудную...»), «Памяти А.И. Одоевского», «Как часто, пёстрою толпою окружён...», «И скушно и грустно...», «Три пальмы», «Казачья колыбельная песня», «Завещание» («Наедине с тобою, брат...»), «Родина», «Спор», «Сон», «Выхожу один я на дорогу...», «Пророк», «Мцыри» и первый русский психологический роман — «Герой нашего времени».

Ссылка на Кавказ, где небо ближе, а опасность за каждым углом, разогрела поэту кровь. Отроком Лермонтов уже бывал на Кавказе. Тогда же он влюбился в этот дикий край, в свободу и естество той жизни, которой жили горцы. Но по-настоящему Лермонтов проникся духом Кавказа только повзрослев. Кавказ напитывал Лермонтова новыми и сильными впечатлениями: военная среда была полна интересных людей и самобытных натур. На Кавказе он познакомился и сошёлся с Александром Одоевским и другими декабристами.

В военных действиях он показал себя отчаянным храбрецом, удивлял удачью даже старых кавказских джигитов. При этом был всегда весел, острил; впрочем,

шутки, как обычно у него, быстро переходили в злые сарказмы. Лермонтову поручили командовать сотней фронтовых разведчиков, и он со своим лихим отрядом сражался самозабвенно, выбирая самые опасные дела. Но в стихотворении «Валерик», написанном вскоре после сражения, он с горечью и отстранённым ужасом ведёт рассказ о бессмысленной резне, о «жалком человеке», беспрерывно враждующем под ясным небом на земле, где «места много всем». Здесь в поэте говорит не столько ненависть к войне, сколько безмерное, высокое сочувствие к человечеству, к человеческой природе, бессильной перед кровопролитием и самоуничтожением.

Лермонтов смотрел прямо на всякую истину, на всякое чувство — и был беспощадно правдив. Верный воинскому долгу, воспитанному в нём поколениями предков, он без колебаний выполнял должное на войне — и чувствовал «опьянение в бою». Но он понимал драматизм и трагедию того, что совершают и его собратья на земле, и он сам. Двойное зрение, которым он обладал, показывало ему земную правду в свете небесной истины.

Филолог Пётр Перцов пишет, что Лермонтов — «лучшее удостоверение человеческого бессмертия. Оно для него не философский постулат и даже не религиозное утверждение, а просто реальное переживание. Ощущение своего „я” и ощущение его неуничтожимости сливались для него в одно чувство. Он знал бессмертие раньше, чем наступила смерть». Может быть, в этом и кроется природа отмеченного всеми поразительного бесстрашия Лермонтова — на войне ли, в обычной ли жизни.

Впрочем, некоторые из знавших поэта считали его поведение безумием и бравадой, а кое-кто усматривал в его безоглядной отваге замаскированное стремление к самоубийству. Так и головоломную храбрость Лермонтова на дуэлях подвёрстывали под скрытое желание досрочной смерти.

Однако можно ли называть замаскированным самоубийством нежелание стрелять в Мартынова, как до этого в де Баранта? Очевидно, что как воин Лермонтов признавал за собой право на кровопролитие только в сражении с врагом Отечества на поле боя — но не на дуэли. И на войне и в жизни он искал сильных ощущений, но сам по характеру был отходчив и отнюдь не кровожаден. Да и как тот, кто в постоянном споре с Небом отстаивал своё достоинство, кто постиг своего Демона во всей его безмерной мощи, мог всерьёз считать своим врагом туповатого, мелкого себялюбца Мартынова?

С «Мартышкой», как-никак приятелем, поэт готов был тут же помириться. Стрелять в безоружного (а что такое дожидаящийся выстрела на дуэли, как не безоружный) было не по нему. Да и разве всё возрастающее желание Лермонтова выйти в отставку и целиком заняться творчеством, обдумывание трёх (!) романов — свойства тайного самоубийцы? Другое дело, Лермонтов не мог не понимать, что в своём вечном споре с Богом («Демон», стихотворение «Благодарность» и другие произведения) он испытывает Его терпение и рискует жизнью.

Но какова суть его «распри» со Всевышним?

«Лермонтов тем, главным образом, отличается от Пушкина, что у него человеческое начало стоит равноправно с божественным. Он говорит с Богом, как рав-

ный с равным, — и так никто не умел говорить. Именно это и тянет к нему: человек узнаёт через него свою божественность», — писал Пётр Перцов.

Разумеется, бережёного Бог бережёт. Однако поэту, похоже, хотелось знать больше: а сбережёт ли Бог его, не желающего беречься? Он готов был принять всё, что ему велено, — потому и жил мгновением.

Весной 1840 года вышел в свет «Герой нашего времени». У современников роман вызвал восхищение. Около двух столетий прошло, а роман всё так же свеж, захватывающе привлекателен, глубок и по-прежнему блещет живостью, умом, трезвостью оценок, как будто бы написан вчера, — и по языку своему нисколько не устарел.

Откровением стали последние стихи поэта, написанные уже после романа. Он открывает в природе — человека, его макрокосмос. Когда-то в молодости он сказал: «Нет женского взора, которого бы я не забыл при виде голубого неба». Теперь, в предчувствии вечной разлуки, он постигает тайную жизнь всего Божьего творения. В удивительном стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» печаль отрешённости от земного соединяется с завораживающей полнотой чувства жизни. Тут сказано несказанное про вечную жизнь, которою живёт человеческая душа на земле. Тут всё земное смыкается с небесным и растворяется в нём, душа переходит в дух, как земля в небо. Лермонтовский пророк из одноимённого стихотворения, возможно, самого последнего, — со скорбью уходит от людей, не понявших его чистых учений любви и правды.

Не оттого ли поэт так беспощадно обличал человеческую порочность, что всегда был причастен *живой*

тайне Божией? П. Перцов писал: «Если считать существом религиозности непосредственное ощущение Божественного элемента в мире — чувство Бога, то Лермонтов — самый религиозный русский писатель». Мистика, как мерцающее, светящееся таинственным светом облако, всегда окружала имя Лермонтова.

Свою миссию на земле поэт свершил, насколько это было ему дано свыше. Его загадочную судьбу, напоённое тайнами творчество ещё долгие и долгие годы будут осмысливать и постигать люди. С тех пор как неизвестно куда отлетела эта великая душа, земля словно одушевлена ею. И наше слово, наша словесность, наши души — разве не изменились под неповторимым её и неизбывным, вечным уже излучением?!

Душа поэта — осознаётся это или нет кем-либо, да и всеми нами, — живёт в наших душах, в нашей жизни. И навсегда останется жить.

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Валерий Брюсов

К ПОРТРЕТУ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Казался ты и сумрачным и властным,
Безумной вспышкой непреклонных сил;
Но ты мечтал об ангельски-прекрасном,
Ты демонски-мятежное любил!

Ты никогда не мог быть безучастным,
От гимнов ты к проклятиям спешил,

И в жизни верил всем мечтам напрасным:
Ответа ждал от женщин и могил!

Но не было ответа. И угрюмо
Ты затаил, о чём томилась дума,
И вышел к нам с усмешкой на устах.

И мы тебя, поэт, не разгадали,
Не поняли младенческой печали
В твоих как будто кованных стихах!

Константин Бальмонт

К ЛЕРМОНТОВУ

Нет, не за то тебя я полюбил,
Что ты поэт и полновластный гений,
Но за тоску, за этот страстный пыл
Ни с кем не разделяемых мучений.
За то, что ты не человеком был, о, Лермонтов!

Презрением могучим к бездушным людям,
К мелким их страстям
Ты был подобен молниям и тучам,
Бегущим по нетронутым путям,
Где только гром гремит псалмом певучим!

И вижу я, как ты в последний раз
Беседовал с ничтожными сердцами,
И жёстким блеском этих тёмных глаз
Ты говорил: «Нет! Я уже не с вами!»
Ты говорил: «Как душно мне среди вас!»

ЛЕРМОНТОВ

1

Опальный ангел, с небом разлучённый,
Узывный демон, разлюбивший ад,
Ветров и бурь бездумных странный брат,
Душой внимавший песне звёзд всезвонной.

На празднике — как призрак похоронный,
В затишье дней — тревожащий набат,
Нет, не случайно он среди громад
Кавказских — миг узнал смертельно-сонный.

Где мог он так красиво умереть,
Как не в горах, где небо в час заката —
Расплавленное золото и медь,

Где ключ, пробившись, должен звонко петь,
Но так же должен в плаче пасть со ската,
Чтоб гневно в узкой пропасти греметь.

2

Внимательны ли мы к великим славам,
В которых из миров нездешних свет?
Кольцов, Некрасов, Тютчев, звонкий Фет
За Пушкиным явились величавым.

Но раньше их, в сиянии кровавом,
В горенье зорь, в сверканье лучших лет,
Людьми был загнан пламенный поэт,
Не захотевший медлить в мире ржавом.

Внимательны ли мы хотя теперь,
Когда с тех пор прошло почти столетье,
И радость или горе должен петь я?

А если мы открыли к свету дверь,
Да будет дух наш солнечен и целен,
Чтоб не был мёртвый вновь и вновь застрелен.

3

Он был один, когда душой алкал,
Как пенный конь в разбеге диких гонок.
Он был один, когда, полуребёнок,
Он в Байроне своей тоски искал.

В разливе нив и в перстне серых скал,
В игре ручья, чей плеск блестящ и звонок,
В мечте цветочных ласковых коронок
Он видел мёд, который отвергал.

Он был один, как смутная комета,
Что головнёй с пожарища летит,
Вне правила расчисленных орбит.

Нездешнего звала к себе примета
Нездешняя. И сжёг своё он лето.
Однажды ли он в смерти был убит?

4

Мы убиваем гения стократно,
Когда, рукой его убивши раз,

Вновь затеваем скучный наш рассказ,
Что нам мечта чужда и непонятна.

Есть в мире розы. Дышат ароматно.
Цветут везде. Желают светлых глаз.
Но заняты собой мы каждый час —
Миг встречи душ уходит безвозвратно.

За то, что он, кто был и горд и смел,
Блуждая сам над сумрачною бездной,
Нам в детстве в душу ангела напел, —

Свершим сейчас же сто прекрасных дел:
Он нам блеснёт улыбкой многозвёздной,
Не покидая вышний свой предел.

Павел Антокольский

ГРОЗА В ПЯТИГОРСКЕ

Гроза разразилась, с юноши мёртвого
Мгновенно сорвало косматую бурку.
Пока только гром наступление развёртывал,
А страшная весть понеслась к Петербургу.

Железные воды и кислые воды
Бурлили и били в источниках скал.
Ползли по дорогам коляски, подводы,
Арбы и лафеты, а юноша спал.

Он спал, ни стихов не читая, ни писем,
Не сын для отца и у века не пасынок.

И не был он сослан и не был зависим
От гор этих, молниями опоясанных.

Он парусом где-то белел одиноким,
Иль мчался по круче конём легконогим,
Иль, с барсом сцепившись, катился, визжа,
В туманную пропасть. А утром, воскреснув,
Гулял у чеченцев в аулах окрестных,
Менялся кинжалом с вождём мятежа.

Гроза разразилась. Остынув от зноя,
Машук и Бештау склонились над юношей,
Одели его ледяной синевою,
Дыханьем свободы на мёртвого дунувши:

«Спи, милый товарищ! Окончилось горе.
Сто лет миновало — мы, снега белей.
Но мы, старики, — да и все в Пятигорье, —
Отпразднуем грозами твой юбилей».

И небо грозовым наполнится рокотом,
И гром-агитатор уснувших разбудит.
А время! А смерть! — пропади они пропадом!
Их не было с нами. И нет. И не будет.

Ярослав Смеляков

О, этот Лермонтов опальный,
Сын нашей собственной земли,
Чьи строки, как удар кинжальный,
Под сердце самое вошли,
Он, этот Лермонтов могучий,

Сосредоточась, добр и зол,
Как бы светящаяся туча,
По небу русскому прошёл.

Александр Городницкий

ПАМЯТНИК В ПЯТИГОРСКЕ

Продаёт фотограф снимки,
О горах толкует гид.
На Эльбрус, не видный в дымке,
Молча Лермонтов глядит.
Зеленеют склонов кручи,
Уходя под облака.
Как посмели вы, поручик,
Не доехать до полка?

Бронза греется на солнце.
Спят равнины зыбким сном.
Стриж стремительный несётся
Над пехотным галуном.
Долг вам воинский поручен, —
Проскакав полтыщи вёрст,
Как посмели вы, поручик,
Повернуть на Пятигорск?

Пикники и пьянки в гроте,
Женщин томные глаза...
Ваше место — в вашей роте,
Где военная гроза.
Там от дыма небо серо,
Скачут всадники, звеня.

Недостойно офицера
Уклоняться от огня.

Ах, оставьте скуку тыла
И картёжную игру!
Зря зовёт вас друг Мартынов
Завтра в гости ввечеру.
На курорте вы не житель, —
В деле были бы верней.
Прикажите, прикажите
Поутру седлать коней!

АЗ, БУКИ, ВЕДИ

Алёна Рулёва

***

По осенней по дорожке
Настины спешат сапожки,
По заплаканной тропинке
Сашины бегут ботинки.
У подъезда об асфальт
Туфли мамины стучат,
На трамвайной остановке
Мокнут папины кроссовки.
По шоссе шуршат колёса...
Только дождь гуляет босым.

***

Жил-был крыс,
Он был лыс
И других боялся крыс.
Одиноко и печально
Сухари за печкой грыз.
А потом
Он хвостом
Подметал уснувший дом
И однажды подружился
С белым ласковым котом.
Года три
До зари

Вместе грызли сухари.
Ведь сидеть вдвоём за печкой
Лучше, что ни говори.
Как-то раз
В поздний час
Кот сыграл на флейте джаз,
Ну а крыс сплясал так лихо,
Дай бог каждому из нас!

Вот сюрприз,
Кот и крыс
Гастролировать взялись.
Любит публика артистов,
Вызывает их на бис.
Там и тут
Все их ждут,
Щедро платят им за труд.
И живут они безбедно,
И сухарики грызут.

***

Ангелине

Нарисуй мне на бумаге
Лето, радугу, улыбки,
Воробьиные ватаги,
Пенье солнечное скрипки.
Вслед за летом по дорожке
Побежим мы без оглядки,
Воробьям кидая крошки,
С ветерком играя в прятки.
Станем смехом заливаться,

Всё на свете забывая.
Нами будет любоваться
С неба радуга цветная.
Солнца рыжего коснёмся
Загорелыми руками.
А когда домой вернёмся,
Обо всём расскажем маме.

Ирина Антонова

ТАЙНА ГРАНАТОВЫХ ЗЁРЕН*

Повесть-сказка

Глава 21

ПОБЕГ

Графиня подошла к Викиной двери. И тут дорогу ей преградил охранник.

— Не велено пускать! — сказал он.

— Мне нужно посоветоваться насчёт свадебных нарядов. Вдруг девчонке при-

дёт в голову вырядиться в точно такое же платье, как у меня! — Графиня попыталась объяснить свой визит.

— Не велено! — словно автомат, повторил охранник.

— Прочь с дороги, болван! Завтра я стану младшей королевой и велю отрубить тебе голову.

Это подействовало. Охранник испуганно отпрянул в сторону.

Вика настороженно смотрела на графиню, а та, подойдя вплотную к девочке, зашептала:

---

*Продолжение. Начало читайте в № 1 за 2014 г.

— Всё в порядке! Ключ от клетки с Никанором у принца Эдамского.

— Ура! — обрадовалась Вика.

— Тише ты! — шикнула на неё графиня. — Рано радуешься. Принц Эдамский хочет устроить вам побег сегодня ночью. Но я сомневаюсь, что у него это получится. Везде полно стражи. Я еле прошла к тебе. Мне кажется, что принцу Эдамскому нужно придумать что-то супернеобычное.

— А где Шар-Нольд? — забеспокоилась девочка.

— Его выпроводили за пределы дворца, но он обо всем предупреждён и будет ждать сигнала у ворот.

***

Принц Эдамский ломал голову над тем, как незаметно вывести из дворца Вику и Никанора. Он заметил, что по коридорам бродят стражники и подозрительно поглядывают на него.

Он спустился в сад, где находилась клетка с Никанором, и там тоже обнаружил усиленную охрану. Неужели Пошехонский о чём-то догадывается? Или начальник Тайной канцелярии Ячмень что-нибудь пронюхал? Эдамский вернулся к себе в комнату.

«Хорошо, — рассуждал он, — допустим, мне удастся вывести пленников из дворца. Что дальше? Стоит им появиться на улице, как разъярённая толпа горожан набросится на кота. Где же выход? Ох, не забыть бы Летопись». — И принц Эдамский стал машинально листать страницы ещё не прочитанной им книги.

Два слова — «потайной ход» — привлекли его внимание. И принц углубился в чтение. Постепенно на его мордочке появилось довольное выражение. Вот что

значит не интересоваться историей своего Отечества! Оказывается, в королевской резиденции есть такой потайной ход, о котором, кажется, не подозревает даже проныра Ячмень. А уж он-то всегда обо всём знает. Нужно срочно найти этот ход! В Летописи упоминается старинный погреб, где хранится медовый квас. И принц Эдамский отправился туда.

Он спустился в подвал. Огромные дубовые бочки ровными рядами стояли вдоль стен. Бочек было так много, что у дальней стены их просто свалили горой друг на друга.

«Наверное, ход там, — догадался принц Эдамский. — Но как до него добраться?»

Тут он заметил, как один из стражников, следивший за ним, заглянул в погреб.

— Поди сюда, милейший, — позвал принц.

Солдат приблизился.

— И твой приятель пусть тоже спускается. Завтра у нас сразу две свадьбы. Поэтому кваса для торжества потребуется вдвое больше. Выносите отсюда вот эти бочки, — и он указал на завал.

Солдаты принялись за работу.

Принц Эдамский, зная, что квас давно превратился в брагу, прихватил небольшой бочонок хмельного напитка для брата, принца Пошехонского, а солдатам напоследок сказал:

— Если вас будет мучить жажда, можете выпить за моё здоровье и здоровье моей невесты, а также за здоровье принца Пошехонского и его невесты. А если устанете, позовите кого-нибудь на помощь.

Стражники принялись добросовестно выполнять приказание, и вскоре из погреба донеслась удалая сол-

датская песня. Постепенно им на помощь сбежалась вся дворцовая стража: и та, что охраняла Вику, и та, что стерегла Никанора.

Принц Эдамский, искусно притворяясь, пошатываясь, вошёл в кабинет принца Пошехонского.

— Выпьем за наши свадьбы, брат! — И он поставил на стол бочонок забродившего кваса.

— Послушай, завтра на свадебной церемонии нужно быть свежими как огурчики, а ты уже надрался как кот!

— Я выпил исключительно за твоё ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ могущество. Не хочешь, как хочешь. Каждый желает того, чего желает...

После таких слов тщеславный принц Пошехонский не мог отказаться от предложения.

— Теперь давай поднимем бокал за твою красавицу невесту, — предложил Эдамский.

— А давай! — кивнул Пошехонский.

***

Начальник Тайной канцелярии Ячмень кричал на солдат, лупил их тросточкой, но ничего не помогало. Они продолжали произносить заздравные тосты и горланить бравые песни. Тогда Ячмень кинулся к принцу Пошехонскому, чтобы узнать, кто распорядился напоить его гвардию.

— О! Вот и Канцелярия тайного начальника пожаловала! — заплетающимся языком весело объявил принц Пошехонский. — Присоединяйся к нам.

— Теперь мне всё ясно! — закричал Ячмень. — Можно считать, что завтрашняя церемония сорвана! Смотрите, чтобы ночью не случился какой-нибудь пе-

реворот. Защищать дворец некому! Вся охрана вышла из строя по причине пьянства!

— Да брось ты, — махнул лапой Эдамский. — Иди сюда, отпразднуй с нами.

— Нет! — отрезал Ячмень. — Это провокация! Должен же хоть кто-то оставаться на боевом посту.

— Завтра я стану пусть и младшим, но королём, — заявил принц Эдамский. — И велю отрезать тебе уши за непослушание. Правда, брат?

— Правда! — подтвердил Пошехонский, и оба принца захохотали.

Постепенно весёлый гул во дворце перешёл в дружный храп. Последним свалился начальник Тайной канцелярии Ячмень. Но и во сне он продолжал недовольно бормотать: «Измена... Провокация...»

А принц Голландский тем временем думал, что в стране смута. Он заперся на своей половине, дрожа от страха, и ждал, что вот-вот придут его арестовывать.

***

Принц Эдамский беспрепятственно пробрался в Викину комнату. Графиня и девочка с нетерпением поджидали его.

— Вся стража спит непробудным сном, — сообщил он. — Графиня, идите к воротам и приведите Шар-Нольда. Я схожу за Никанором, а ты, Вика, переоденься в своё платье да захвати побольше свечей.

Он уже выскочил за дверь, но Вика окликнула его. Она протянула ему свою бархатную резиночку:

— Это знак, чтобы Никанор вам поверил.

***

Через двадцать минут все собрались в Викиной комнате. Девочка успела переодеться, но нарядное платье решила взять с собой, чтобы у неё было доказательство. Когда будет дома рассказывать о своих приключениях. А то ещё, чего доброго, не поверят. Она сложила платье и сунула в рюкзак Шар-Нольда.

Вика, шиш и кот бросились в объятия друг друга, но принц Эдамский поторопил их:

— Пора, а то вдруг кто-нибудь очухается раньше времени, тогда всё пропало. — Он повернулся к графине: — А вам все мы благодарны за помощь.

— Не стоит, — процедила та сквозь зубы и сморщилась.

— Извините, но мы должны вас связать, — предупредил принц Эдамский.

— Как? — изумилась графиня и вмиг окрысилась.

— Исключительно в целях вашей же безопасности. А то примут вас за пособницу и шпионку и упекут в Глупотремышскую крепость, — разъяснил Эдамский.

— Вяжите, — нехотя согласилась графиня.

Когда графиня была крепко связана, принц Эдамский сказал:

— Ну вот, если вас станут допрашивать или, ещё чего доброго, пытаться, вы не сможете проболтаться, куда подевались пленники, — и он ловко затолкал ей в рот кляп.

— Спасибо за всё, — от души поблагодарила Вика графиню. Она наклонилась, крепко обняла мышку и поцеловала в щёку.

— Спасибо за всё! — Никанор от избытка чувств чмокнул графиню в розовый прохладный нос.

Если бы не кляп, графиня обязательно бы сплюнула. А за то, что кот допустил непозволительную дерзость, наверняка бы укусила его.

Последним к графине подошёл Шар-Нольд. Он галантно раскланялся и поспешил за остальными.

Глава 22

ПОДЗЕМНЫЙ ХОД

Беглецы, старательно обходя спящих вповалку стражников, спустились в винный погреб.

— Где-то здесь должен быть подземный ход. Ищите, — сказал принц Эдамский.

И друзья разбрелись по всему помещению. От завала в дальнем углу погреба не осталось ничего, кроме ровного ряда огромных пустых бочек, одним концом, словно пробки в бутылки, воткнутых в стену.

Принц Эдамский, успевший сунуть нос во все щели, растерялся:

— Ничего. Кажется, мы оказались в ловушке.

— Погодите, — прервал его Шар-Нольд. До этого он ходил с задумчивым видом, что-то прикидывая и высчитывая. — Обратите внимание на крайнюю справа бочку. Мне кажется, между ней и стеной могла бы поместиться ещё одна бочка, но её там нет.

Шиш подошёл ближе, внимательно осмотрел бочку и заметил на одном её боку ржавые дверные петли, а на другом — небольшое железное кольцо. Он с силой потянул за него, но бочка не сдвинулась и на миллиметр. Тогда Шар-Нольд позвал на помощь друзей.

Они продели сквозь кольцо крепкий кожаный ремень, уцепились за его концы и стали тянуть. Ноги и лапы

разъезжались на влажном земляном полу, но бочка не поддавалась. Может, и нет за ней ничего?!

— Хорошо бы смазать петли, — переводя дыхание, сказал шиш. — Жаль, что у нас нет масла.

— Может, натереть их свечкой? — предложила Вика.

— Это мысль! — обрадовался Шар-Нольд. — Давай попробуем.

Петли были натёрты, и друзья снова схватились за ремень. Они хорошенько упёрлись ногами в пол и на счёт «три-четыре» рванули ремень на себя.

Бочка вздрогнула и поддалась. Медленно, негромко поскрипывая петлями, пошла она в сторону, открывая чёрную дыру. Это был тот самый потайной подземный ход.

— Ура! — закричали все хором, но тут же спохватились, что разбудят стражу, и зашикали друг на друга.

— Ваше высочество, — спросил Шар-Нольд, — куда ведёт этот подземный ход?

— Не знаю, — сознался Эдамский. — Я не успел прочитать об этом в Летописи.

— Вы нашли Летопись?! — воскликнули Вика и Шар-Нольд одновременно.

— Да. — Принц вынул из-за пазухи книгу.

— Здорово! — сказал шиш. — Надеюсь, теперь мы узнаем тайну волшебных зёрен.

— Спасибо вам, принц, — сделала реверанс Вика.

— Да, в самом деле, — подхватил Никанор, — я до сих пор презирал мышей, но вы, ваше высочество, спасли меня, и отныне я буду относиться к вам с уважением.

— Примите и мою благодарность, — поклонился принцу Шар-Нольд. — А теперь нам пора. Вика, зажигай свечи.

— Прощайте, ваше высочество! — И беглецы вошли в непроглядную тьму подземного хода.

С обратной стороны бочки имелась железная скоба. Друзья потянули за неё, и бочка тяжело встала на прежнее место, плотно закупорив вход. Ни один лучик света не пробивался сюда.

***

Впереди всех шагал Шар-Нольд, за ним — Вика, замыкал шествие Никанор.

Стены тоннеля были гладкими, своды высокими, а земля под ногами плотно утрамбованной. Видимо, раньше этим подземельем часто пользовались.

— Только бы впереди не было никаких завалов, — переживал Шар-Нольд. — Иначе нам крышка — назад не вернёшься.

Часа два они шли без всяких приключений. Потом Вика начала уставать. Решено было сделать привал. И тут Шар-Нольд вспомнил:

— Мы в спешке не захватили воды.

В наступившей тишине в отдалении послышалось негромкое журчание. Никанор принюхался.

— По-моему, там вода, — сказал он, кивая в сторону.

Идти пришлось недолго. Вскоре беглецы оказались возле великолепного подземного озера. Его берега, утыканные сталагмитами, походили на акульи челюсти. Пламя свечей отражалось в тысячах кристаллов и играло всеми цветами радуги. Друзьям показалось, что они попали в богато убранную царскую палату.

— Вот это да! — восхитился Никанор. — Сияют словно бриллианты.

— А я и не знала, что ты разбираешься в драгоценностях, — подначила его Вика.

— Ты думаешь, что мы, кошки, созданы только для того, чтобы бегать за бумажкой, привязанной к верёвочке? Ошибаешься. В Древнем Египте, например, кошки считались священными животными и жили во дворцах фараонов. Жёны и дочери правителей доверяли нам носить на хвостах свои самые дорогие перстни и кольца. Вот!

— Как интересно! Вернусь домой, обязательно об этом почитаю, — пообещала Вика.

— Пожалуй, здесь мы и сделаем привал, — решил Шар-Нольд.

Путники перекусили печеньем и фруктами, прихваченными Викой. Попили воды из озера, очень приятной на вкус, и стали устраиваться на отдых. Один только Никанор был недоволен.

— Почему это только в сказках бывают молочные реки? — ворчал он.

Из озера вытекала небольшая речка. Никанор сбегал и убедился, что и она не молочная.

— Хорошо, что кисельных берегов не бывает, — отозвалась Вика.

— Это почему? — удивился Никанор. — Ты не любишь кисель?

— Люблю. Но я представила, как ты передвигаешься по киселю вдоль молочной реки.

Девочка и шиш рассмеялись, а Никанор сосредоточенно уставился на нервно танцующий кончик своего хвоста.

Друзья уселись в круг: надо было решать, что делать дальше.

— Я предлагаю сначала прочитать Летопись, а то кто знает, что нас ждёт впереди, — начал Шар-Нольд.

— Это, конечно, верно, — поёжилась Вика, — но Летопись большая, читать придётся долго, а здесь холодно.

— Идея! — воскликнул шиш. — Поделим книгу на троих. Каждый прочтёт свою часть. Потом обменяемся информацией. Если кто-то наткнётся на что-нибудь важное, зачитаем вслух.

— Гениально! — захлопала в ладоши Вика.

Шар-Нольд моментально разорвал Летопись. Девочка и шиш погрузились в чтение, стараясь делать это быстро, но предельно внимательно. Никанор читать не умел. Но сознаться в этом постеснялся. «Эка невидаль, — решил он, — полистаю странички. Если есть что-то важное, то оно непременно бросится мне в глаза!»

Кот быстро просмотрел листки, но в глаза ему так ничего и не бросилось. Он понюхал рукопись — пахло мышами, перевернул вверх ногами. Какие-то палочки, точки, крючочки. Неужели они могут о чём-нибудь рассказать? Он покосился на друзей. Сидят, неотрывно глядя на закорючки.

— Знаете, у меня ничего интересного нет, — откладывая Летопись, сказал Никанор.

— Как, ты уже прочитал? — изумилась Вика.

— Конечно! — гордо заявил Никанор.

— Так быстро? — не поверил шиш.

— Да чего там, — небрежно ответил кот, — если бы здесь были картинки, то я читал бы гораздо дольше.

Шар-Нольд подозрительно прищурился:

— Сдаётся мне, что ты вообще читать не умеешь.

— Кто? Я? — возмутился кот.

— Никанор! — Вика выразительно посмотрела на него. Кот сразу сник:

— Ну, не умею. Что я виноват, что ли?

— Эх ты! — вздохнула девочка. Конечно, Никанор не виноват в том, что не умеет читать. Но зачем обманывать? Драгоценное время-то уходит.

— Придётся поделить Летопись на двоих, — вздохнул Шар-Нольд. — Я буду читать начало — там, где про потайной ход сказано. А ты, Вика, — конец.

— А что буду делать я? — поинтересовался Никанор.

— Ты не будешь нам мешать! — строго сказал Шар-Нольд.

— Очень надо, — проворчал Никанор и отправился побродить вдоль подземной реки.

Глава 23

ВОРИШКА ЯБЛОКОВ

Вика читала, сидя возле самой кромки воды. Летопись лежала у неё на коленях. Одновременно девочка расчёсывала щёткой свои шелковистые волосы, избавляясь от придворной хлебобулочной причёски. Она соскучилась по любимым хвостикам.

От воды веяло холодом, и ноги у Вики совсем заоченели. Тогда она вспомнила о тапочках, которые подарил ей профессор Шар-Шон. Положив щётку на камень рядом с собой, Вика достала из красного рюкзака Шар-Нольда тапочки и переобулась.

То ли от нахлынувших добрых воспоминаний о Стране шишей, то ли тапочки действительно обладали чудесными свойствами, только Вика сразу почувствовала, как по ногам заструилось живительное тепло.

Она снова взялась за чтение. Машинально потянувшись за щёткой, девочка вдруг наткнулась на чью-то холодную лапку. Она взвизгнула и, резко вскочив, шагнула в сторону. Свеча упала и погасла, а Летопись сначала птицей взвилась вверх, потом со звонким плеском упала в озеро.

— Что случилось? — подбежал к девочке Шар-Нольд.

— Не знаю... — Вика пыталась что-нибудь разглядеть в обступившей их темноте. — Почудилось, наверное... — И вдруг спохватилась: — Летопись! Она пропала!

Шар-Нольд принёс свою свечу. Они обыскали весь берег, но всё бесполезно. А в ледяную воду никто из них ступить не отважился.

— Только я начала читать про какого-то сумасшедшего волшебника, как вдруг... — всхлипывала Вика.

— Не плачь. — Шиш погладил её по голове. — Что-нибудь придумаем.

— Я чувствую, что разгадка была у меня в руках, а теперь... — И она уставилась на воду, поглотившую Летопись.

— Ничего, Вика, у нас есть ещё надежда: мы отыщем мышонка, который продал мне зёрна граната, — напомнил Шар-Нольд. — Я уверен, он что-то знает.

Неожиданно в той стороне, куда ушёл Никанор, раздались грохот, возня и отчаянный писк.

— Вдруг это погоня и они схватили Никанора?! — испугалась девочка.

— Будем защищаться! — решил шиш.

Вика и Шар-Нольд прижались друг к другу спинами, заняв круговую оборону. Кто-то приближался к ним, шурша мелкими камешками. И вот в освещённое свеч-

кой пространство рыжим солнцем вкатился Никанор. Он тащил за собой кого-то, кто упирался изо всех сил.

— Полюбуйтесь! — Никанор вытолкнул вперёд дрожащего от страха мышонка. — Шпионил за нами. Я сразу его приметил, как только он стал подбираться к нашему лагерю.

— Я не шпионил, — пискнул мышонок.

— А вот мы сейчас будем тебя пытаться. И ты сразу сознаешься, кто тебя подослал, — кровожадно оскандился Никанор.

Вика и Шар-Нольд наконец-то пришли в себя.

— Ты кто? — спросил шиш.

— Я-я-я, — стал заикаться мышонок. — Я — Яблоков.

— Что ты здесь делаешь?

— Я-я-я...

— Мы уже слышали, что ты — Яблоков! — грубо оборвал его Никанор. — Говори по существу.

— Я, я... это... мимо шёл, — соврал мышонок.

— А что у тебя в руке? — не унимался кот.

Яблоков протянул Вике щётку для волос:

— Вот.

— Украл! — догадался Никанор.

— Позаимствовал, — уточнил мышонок и скромно потупился.

Никанор, который и сам при случае мог взять то, что плохо лежит, и не видел в этом особого греха, неожиданно пристыдил несчастного:

— Как ты мог позариться на чужое?!

— Погодите, да я ж его знаю! — вмешался Шар-Нольд.

— Вот видите, — обрадовался Яблоков. — Я свой! Он меня знает! — И повернулся к шишу: — Скажите, что я не шпион.

— Это у него я купил гранатовые зёрна! — ликовал Шар-Нольд, а мышонок почему-то сник.

— Точно? — усомнилась Вика.

— Видишь, у него в ухе серебряная серьга полумесяцем, — объяснил шиш. — По этой примете я искал его на базаре, да не нашёл.

Никанор вплотную придвинулся к мышонку, жарко задышал ему в мордочку и потребовал:

— Говори, Яблоков, как нам стать прежнего роста! Не то худо будет!

Мышонок попытался спрятаться за камень.

— Не пугай его, — вступился Шар-Нольд, — а то он, пожалуй, имя своё позабудет.

— Яблоков он, Яблоков! И нечего с ним чикаться, — проворчал Никанор.

— Не бойся, — заговорила с мышонком Вика, — расскажи, где ты взял гранатовые зёрна, которые продал Шар-Нольду.

— Я-я-я... — начал Яблоков.

— Ну, смелее!

— Честное слово, я в первый раз. До этого сроду ничего у дядюшки без спросу не брал, — оправдывался мышонок.

— Ага, тут ещё и дядюшка замешан! — возмутился кот.

— Мой дядюшка — звездочёт. У него много всяких волшебных штучек. Иногда мне хочется ими поиграть, но дядя сердится. Боится, что я нечаянно натворю разных бед.

— Правильно боится, — заметил шиш.

— Ну и натворил ты дел! — упрекнул мышонка Никанор. — Где ты видел, чтобы люди и кошки были одного роста с мышами?

— А я вообще никогда не видел ни кошек, ни людей, — признался Яблоков.

— Твоё счастье, — пробурчал кот.

— погоди, Никанор, так мы ничего не узнаем, — попросил Шар-Нольд и спросил мышонка: — Ну, а волшебные гранаты ты где взял?

— Они у дядюшки растут, возле пещеры. Только я не знал, что они волшебные. Дядя не даёт мне сахара. Говорит, что от него зубы портятся. Вот я и решил: продам немного гранатов и куплю себе кусочек сахара.

— Бедный малыш, — посочувствовал Шар-Нольд.

— Нам непременно нужно увидеться с твоим дядюшкой, — решительно сказала Вика. — Отведёшь?

Мышонок помялся, помялся и сказал:

— Не могу — дядя меня убьёт. Он не велит рассказывать, где живёт.

— Если ты не отведёшь нас к дяде, тогда тебя убью я! — пообещал Никанор.

И Яблокову волей-неволей пришлось вести путешественников к звездочёту. По пути он рассказал, что давно пользуется этим подземным ходом, чтобы из дядюшкиного жилища, которое находится в неприступных скалах, попадать в город.

Оказывается, подземелье имело два выхода: один в дворцовый винный погреб, другой... Об этом мышонок наотрез отказался говорить, а путники и не настаивали. Они надеялись, что мышонок не обманет их и приведёт к своему дяде-волшебнику.

*Окончание читайте в следующем номере
журнала.*

Перед знаком вопроса все равны: мудрец и профан, богач и бедняк, ребёнок и взрослый, человек и дракон. Все на мгновение останавливаются, замирают, ожидая чего-то... А дальше?.. А дальше надо читать книжку Сергея Георгиева «Запахи миндаля», в которой бедняк Цу вступает в поединки то с обезьяной, то с драконом, свирепый разбойник Бан состязается в учтивости с наёмным солдатом Чу Фыном, философ в споре уступает Великому Мандарину и Палачу Хо.

Ребёнок прочитает эту книжку как сборник сказок, умудрённый опытом взрослый человек задумается над этими притчами и их неочевидной внутренней связью, уставший обретёт покой и власть над своими мыслями, погрузившись на час в необременительное и занимательное чтение.

Сергей Георгиев

Терпкий, солоноватый и пряный запах тёплого моря щекотал ноздри Фан Ту. Не открывая глаз, Фан потянул носом и угадал едва различимый смолистый аромат сосновой хвои и потные испарения мокрого песка.

Стукнула дверь. Фан Ту мигом очнулся, заслонил собой маленькую коробочку, обтянутую красным сафьяном, быстро захлопнул крышку.

— Осторожнее, жена! — досадливо крикнул Фан. — Высушенные лепестки миндаля так легки, одним дуновением их может разбросать по всему дому!

Жена Фан Ту вернулась с базара. Лицо её было не жёлтым, как обычно, а серым и озабоченным.

— Война докатилась до наших мест, Фан Ту, — сказала женщина. — А ты всё сидишь.

— Война, — улыбнулся Фан Ту. — Мне знаком этот запах. Война пахнет порохом и гарью. Он протянул руку и достал с полочки другую коробку, обтянутую уже синим сафьяном, открыл её.

— Ну, конечно, вот оно, — удовлетворённо кивнул Фан Ту, приняхавшись. — Растёртая кожица молодой миндальной ветки, слегка опалённая в костре... Это запах войны.

— Мне ничего не удалось купить из еды, — продолжала жена. — Торговцы боятся и не выставляют свой товар. Мне не удалось купить даже рыбы.

— Рыба, жареная рыба, — пожевал губами Фан Ту. — Это не самый приятный из запахов, но и он у меня есть. Я хорошо помню, он у меня есть! Фан покопался на полке, перебирая свои коробочки, наконец нашёл нужную.

— Я так и думал, — Фан мельком взглянул на жену.

— Крупные стружки миндального дерева вымачиваются в козьем молоке, а затем высушиваются на солнце. Как же называется эта рыба?

— По улицам ходят солдаты Мандарина, — продолжала жена.

— Мандарин! — мечтательно вздохнул Фан Ту и потянулся за новой коробочкой. — В саду Мандарина так волшебным пахнут орхидеи! Это запах трёхдневных почек миндаля, но их обязательно нужно собирать на рассвете, когда солнце так нежно...

— Они схватили какого-то юношу, — перебила Фана жена. — Солдаты схватили юношу, который будто бы украл лепёшку...

— Лепёшка, — эхом повторил Фан Ту. — У меня есть такой запах.

— Они долго били юношу бамбуковыми палками! — женщина закрыла лицо руками, заново переживая весь ужас увиденного. — Они били его бамбуковыми палками!

— Бамбук, — равнодушно пожал плечами Фан Ту. — Что может быть проще! Тёртые молодые орешки миндаля имеют этот запах!

— Фан Ту, мы должны немедленно бежать отсюда, — наконец решительно сказала женщина.

— Зачем? — удивился Фан Ту. — Здесь миндаль растёт под моим окном. Что другое мы сможем найти в ином месте?

— Фан Ту! — в глазах несчастной появились слёзы. — Ради детей! Если хочешь, оставайся! Я должна спасти их! Мы уходим!

Фан Ту с тихой улыбкой достал с полки две коробочки.

— Вот так пахнет кожа юной девушки, — открыл он одну коробочку. — И её волосы...

— Вот так пахнут губы ребёнка. — Фан открыл вторую коробку.

— Оставайся, мы уходим, — прошептала женщина. — Чтобы не завидовать потом нашей собаке.

— В этом есть доля истины, — проговорил Фан Ту. — Собака различает гораздо больше разных запахов, нежели человек. — Впрочем, не так, — добавил он, поразмыслив. — Просто для познания мира собаке потребовалось бы больше коробочек, вот и всё.

— Наша собака издохла от голода, — сказала женщина уже на пороге. — Вот то, что я хотела сказать. Она лежит и, видимо, скоро завоняет.

Стукнула дверь.

— Грубая женщина, — сжал пальцами виски Фан Ту. — Собака издохла. Что ж, такой запах у меня тоже есть. И всё это миндаль.

Фан Ту выбрал красную сафьяновую коробочку, открыл крышку. Терпкий, солоноватый и пряный запах моря ударил ему в ноздри. Фан Ту закрыл глаза, потянул носом и сразу же угадал едва различимый аромат сосновой хвои и потные испарения мокрого песка.

ОБЕЗЬЯНА

Бедняк Цу кормил семью тем, что выращивал бананы, а затем продавал их на рынке. Однажды на делянку Цу пробралась обезьяна. Она полакомилась самыми спелыми бананами, но больше набезобразничала, бросая на землю целые связки зелёных плодов.

Когда пришли крестьяне, обезьяна восседала на огромной куче испорченных бананов. Бедняк Цу вне себя от горя схватил лук и прицелился в гадкое животное.

— Что ты делаешь, Цу! — закричали крестьяне, делянки которых не пострадали от обезьяны. — Это противно законам Неба! Ты не можешь убить обезьяну, ведь она ничего не знала! Кто объяснил ей, что нельзя сбрасывать на землю бананы?

Цу опустил лук.

— Дерзкая обезьяна! — закричал он. — Ты поступила нехорошо! Эти бананы...

Обезьяна волосатыми пальцами плотно заткнула себе уши, повернулась к Цу спиной и не торопясь ушла к себе в джунгли. Напрасно Цу кричал ей вслед:

— Ты поступила неправильно, обезьяна! Это мои бананы, это я их посадил! Если я ничего не смогу продать на рынке, моя семья умрёт с голоду!

На следующее утро обезьяна явилась вновь. Есть ей не хотелось, она только ломала широкие листья и сбрасывала вниз бананы, не разбирая, спелые они или нет.

При появлении Цу обезьяна опять заткнула пальцами уши.

Долго горевал несчастный Цу, а затем отправился к мудрецу и попросил того написать на дощечке несколько иероглифов. Дощечку Цу отнёс на свою делянку и оставил на самом видном месте.

Обезьяна появилась как ни в чём не бывало и буйствовала особенно нагло и безобразно. Чтобы руки всегда были свободны, в уши обезьяна затолкала плотно скомканные банановые листья.

Дощечку с иероглифами мудреца обезьяна брезгливо отбросила в сторону.

И вот после этих бесчинств и буйства Цу подстерёг обезьяну и застрелил из лука.

— Что ты наделал, Цу! — кричали крестьяне, узнав о случившемся. — Что ты наделал!

— Я предупредил её и не желал ей зла, — отвечал Цу.

— Видите эту дощечку? На ней написано: «Уважаемая обезьяна! Это мои бананы. Предупреждаю, будет плохо».

— Ты нарушил законы Неба! — не унимались крестьяне. — Ведь обезьяна не умела читать!

— Я тоже, — отвечал Цу. — Но ведь я тем не менее знаю, что здесь написано. Что помешало обезьяне взять дощечку и сходить с ней к мудрецу?

— Ты поступил честно, — согласились крестьяне.

ВКУС БАНАНОВ

Бедняк Цу нагрузил полную тележку отборных бананов и отправился на базар продавать их. По дороге

бедняку встретился странствующий учитель логики Пын Жу, который, поприветствовав Цу, спросил:

— Задумывался ли ты когда-нибудь, добрый человек, как влияет скрип тележки на вкус бананов?

— Странные вещи говоришь ты, любезный путник, — отвечал Цу, остановившись. — Правда, скрипучую тележку толкать тяжелее, и я как раз собирался, продав бананы, купить немного масла и смазать ступицы колёс.

— Именно это я и имел в виду, — со значением произнёс учитель логики. — Получается, часть вырученных денег ты собираешься потратить на масло для колёс, то есть, иными словами, на тележный скрип?

— Да, это так, — согласился бедняк Цу.

— В таком случае, добрый человек, выходит, что ты собираешься продать не одну большую кучу бананов, а как бы две поменьше. Деньги за одну останутся тебе, деньги за другую пойдут на скрип, — прищурился учитель логики Пын Жу.

— Выходит, верно, — задумался бедняк Цу.

— Но всякий знает, — продолжал странствующий учитель, — что много денег можно выручить за спелые бананы, и гораздо меньше за зелёные или, напротив, гнилые. Ты, таким образом, за свои бананы собираешься выручить меньше денег, чем они могли бы стоить. Следовательно, твои бананы не так хороши, как это кажется. А всему виной тележный скрип, — поднял вверх жёлтый указательный палец странствующий учитель.

— Невероятно, но это выглядит правдой, — почесал в затылке бедняк Цу. — Где же выход?

— Рассмотрим внимательно все возможности, — предложил учитель логики Пын Жу. — Предположим,

что платы за скрип удалось избежать. Например, нельзя заставить человека платить за то, чего нет.

— Именно этого я и хочу! — обрадовался бедняк Цу. — Но как это сделать?

— Это трудно, — вздохнул учитель логики. — Можно, наверное, продать бананы и не покупать масла для колёс, но купить новую тележку.

— Новые тележки не скрипят, — закивал радостно бедняк Цу. — И ступицы колёс у них хорошо смазаны! Но... — Цу осёкся и внимательно посмотрел на учителя логики. — Но чтобы купить новую тележку, мне придётся продать весь запас моих бананов! У меня будет новая тележка, но, что я стану на ней возить?

— Хороший вопрос, — похвалил бедняка странствующий учитель. — Нет такой тележки, на которой можно было бы что-то возить, когда нет ничего. Ты поставишь тележку под навес и станешь ждать, когда созреют новые бананы.

— Но к тому времени масло в ступицах новой тележки выветрится, спицы рассохнутся, и тележка станет скрипеть, как эта! — воскликнул бедняк Цу.

— И ты вновь нагрузишь полную тележку спелых бананов и отправишься на базар продавать их, — кивая на каждом слове, заговорил учитель логики Пын Жу. — Отправишься на базар, возможно, размышляя о влиянии тележного скрипа на вкус бананов...

— Возможно, и размышляя! — закричал вдруг бедняк Цу. — Возможно, и размышляя! Но я отправлюсь на базар совсем другой дорогой! Чтобы никогда больше невзначай не встретить тебя, милейший!

Бедняк Цу с силой толкнул старую тележку, доверху нагруженную отборными спелыми бананами, и с громким скрипом припустил по дороге.

СОБЕСЕДНИКИ

Один человек купил павлина и целые дни проводил, разговаривая с райской птицей. Узнав об этом, один мудрец Пын Жу спросил другого, по имени Лунь И:

— Можешь ли ты, Лунь И, дать подобному надлежащее объяснение?

— Я затрудняюсь, — кротко отвечал Лунь И.

— А дело между тем простое, — рассмеялся мудрец. — Каждому приятно чувствовать себя умнее собеседника!

— Что касается павлина, это так, — согласно кивнул Лунь И. — Но ведь их двое.

НЕДОСТАТКИ

Однажды свирепый разбойник Бан носом к носу столкнулся на лесной тропинке с наёмным солдатом Чу Фыном.

— Говорят, ты самый грозный разбойник этих мест, Бан, — приветствовал лиходея храбрый солдат.

— У меня слишком много и недостатков, — отвечал на похвалу разбойник Бан. — Как оказалось, я очень неосмотрителен и неосторожен. Но хуже того, я не умею быстро бегать.

ВЫИГРЫШ

Вышел утром мудрец Лунь И на крыльцо своей бамбуковой хижины, воздел руки к Небу:

— Да будет благословен мой роскошный и просторный дворец!

Мимо пролетал серенький воробей. Мудрец приветствовал его:

— Здравствуй, чудесная райская птица!

Затем мудрец Лунь И поклонился бобовой грядке:

— Благодарю тебя, тучная нива, за то, что сытно кормишь меня!

Услыхал эти слова сосед Цу и воскликнул в растерянности:

— Что ты говоришь, Лунь И! Уж не помутился ли твой разум прошедшей ночью?! Это всего лишь ветхая хижина, обыкновенный воробей и крошечная грядка бобов!

— Это мир, в котором я живу, — с достоинством отвечал Лунь И. — И если в моих силах сделать его чуточку лучше, чем он есть на самом деле, я так и поступаю.

— Ах, вот оно что! — рассмеялся Цу. — Значит, теперь в грязной старухе ты увидишь прекрасную юную деву, а в сквалыге — достойнейшего из людей?

— Да, в таком мире уютнее и спокойнее жить, — согласился мудрец Лунь И.

— Никто из людей не ответит тебе тем же, — покачал головой Цу.

— Но ведь я — это часть мира, в котором живут они, — улыбнулся Лунь И. — Так кто же в выигрыше?

АРОМАТ ОРХИДЕИ

Ученик мудреца Лунь И по имени Па Сюнь задумал жениться. Пылкий юноша признался своему учителю:

— Добрый Лунь И! Если бы ты знал, как она прекрасна! Моя невеста похожа на чудный цветок орхидеи, что растёт, окружённый заботами искусных садовников, в оранжерее Великого Мандарина!

— Ты бывал в саду Великого Мандарина, славный юноша? — удивился мудрец Лунь И.

— Я видел этот дивный цветок только издалека, — отвечал Па Сюнь. — Но меня волнует другое. Много вокруг красивых девушек! Щёки одной подобны персику, лицо другой словно полная луна, а губы третьей напоминают бутон алой розы!..

— Это так, — согласился мудрец Лунь И.

— Но я начинаю весь дрожать, кровь моя бурлит, едва увижу мою единственную! — продолжал юноша. — Меня бросает попеременно то в жар, то в холод!

— Ничего удивительного, — улыбнулся мудрец Лунь И. — Это то, что называют ароматом орхидеи. Лёгким порывом ветерка тебя настигает этот дразнящий запах, и ты растворяешься в нём, ноздри твои трепещут и...

— Как это верно! — повторил вслед за учителем влюблённый юноша. — Аромат орхидеи!

Прошло время. Пылкий юноша Па Сюнь стал примерным мужем и любящим отцом, жизнь его текла ровно и гладко, подобно неторопливой и полноводной реке.

Однажды ученик пришёл в гости к своему старому учителю мудрецу Лунь И.

— Добрый мой учитель, одно лишь печалит меня, — сказал достойный муж. — Моя жена по-прежнему прекрасна. Она похожа на чудный цветок орхидеи, что растёт, окружённый заботами искусных садовников, в оранжерее Великого Мандарина.

— Я бывал там не раз, — покачал головой мудрец Лунь И.

— Но я спокоен, как камень, когда вижу её, кровь не бурлит, меня не бросает ни в жар, ни в холод! Ты ошибался, добрый учитель, когда говорил мне про аро-

мат орхидеи! — печально закончил добрый муж. — Я забыл этот дразнящий запах!

— Орхидеи вообще не имеют запаха, — в ответ кротко молвил мудрец Лунь И. — Видимо, ты слишком близко подошёл к цветку.

ЧЕРВЯК

Однажды сборщик податей Пун Ли не без коварства спросил мудреца Лунь И:

— Скажи, старик, какая, в сущности, разница между тобой и обыкновенным дождевым червём?

— Трудный вопрос, — честно и скромно отвечал мудрец Лунь И.

— Тогда ответь, старик, — продолжал сборщик податей Пун Ли, выставляя напоказ свою богатую одежду с дорогими украшениями, — видишь ли ты разницу между тем же дождевым червём и мной, верным слугой Великого Мандарина?

— Вижу, — отвечал мудрец Лунь И. — Дождевой червяк никогда и никому не причиняет никакого зла.

ВЕЩИЙ СОН

Однажды свирепому разбойнику Бану приснился палач Хо с огромной секирой в руках.

К чему бы это, задумался разбойник, но так и не нашёл ответа.

Тогда Бан подстерёг палача Хо на лесной тропинке и, достав длинный нож, прямо спросил Хо про свой странный сон.

Палач Хо покрылся холодным потом и отдал разбойнику Бану кошелек с золотом.

— Ну вот, всё и разъяснилось, — с облегчением сказал себе свирепый разбойник Бан.

ТРИ ЗЁРНЫШКА РИСА

После скудного ужина бедняк Цу прилёг на траву в тени своей хижины и призадумался.

— Могло случиться так, — поразмыслив, обратился бедняк вслух к своей старой мотыге, — что я положил бы в похлёбку на три рисовых зёрнышка меньше. Ведь считать я не умею!

— Да, — согласился бедняк Цу за мотыгу. — Ты мог ошибиться и положить на три зёрнышка меньше. И даже не заметил бы этого.

— Если так, — вскочил в возбуждении на ноги бедняк Цу. — Если так, то откладывая от каждой похлёбки всего по три зёрнышка!.. Через две или три луны можно скопить зерна на целую миску!

— Или на две миски, — подтвердила мотыга голосом бедняка Цу.

— Лишний рис я бы стал продавать, — хлопнул себя по лбу бедняк Цу. — И на эти деньги купил бы новую тележку!

— Разумно, — согласилась мотыга.

— С новой тележкой я успеваю бы отвезти на базар много больше бананов, чем теперь! — у бедняка Цу перехватило дух.

— У тебя появилось бы много денег, — сказала мотыга.

— Я купил бы козу! Две козы! — почти выкрикнул бедняк Цу. — Я построил бы себе большой красивый дом! Два дома!

— И все, кто проходит мимо, станут говорить... — начала было мотыга, но бедняк Цу не дал ей закончить.

— Все станут говорить: «Это прекрасный сад бедняка Цу! Это дворец бедняка Цу! Это коза бедняка Цу!»

Мотыга на сей раз промолчала в ответ. Бедняк Цу вновь призадумался.

— Это как же получается, — наконец недоуменно обратился Цу к мотыге. — У этого бедняка есть новая тележка? У него есть коза? У него новый прекрасный дом?!

— Какой же это бедняк... — с сомнением пробурчала мотыга.

— Этого человека зовут, как и меня, Цу. Но это вовсе не я! — решительно тряхнул косичкой бедняк Цу. — И дело вовсе не в новой тележке, хотя и в ней тоже!

Мотыга лишь горько вздохнула.

— Почему же я должен голодать ради кого-то другого?! — закончил бедняк Цу свои размышления.

— Diru, karulo, kion vi faras?

— Mi mezuras vian domon, kara mastro, — respondis la blindulo, — mi watus ekscii, xu qi estas same granda, kiel la domo de mia patrino?

La mastro ekridis kaj plu demandis:

— Nu, kaj kio? Kies domo estas pli granda?

— Wajne, via domo, mastro, estas kvin wajojn pli longa, — respondis trankvile la blinda junulo. (wajo estas mezurunuo de longeco, iom pli ol 1,5 m).

Diras tion la blindulo kaj pordon serxas. Atingis li laylonge de la muro tiun lokon, kie la mastro sidis. Tiu leviqis, iris preni betelon por regali la gaston. Ke la junulo estas blinda, neniu rimarkis.

Dum la mastro forestis, palptrovis la blindulo lignan bastonon kaj feran rastilon. La mastro, evidente, faris por qi tenilon, sed ne sukcesis fini la laboron. La blindulo metis rastilon sur la tenilon. Eniris la mastro kun betelo kaj vidas la rastilon finfaritan, qia rabotita tenilo brilas, kaj surplanke rabota[oj kuwas. Tute forgesis li, ke mem la tenilon rabotis, kaj decidis, ke la gasto tiom lerte kaj rapide tion faris.

— Xu vi tiun bonan rastilon faris? — demandis la mastro.

— Mi, kiu do? — respondas la blindulo.

Ekplaxis la gasto al la mastro: dum laboro lerta kaj vizaqe bela, kaj li proponis al tiu kiel edzinon sian filinon — belulinon.

Ekloqis la blindulo en la nova domo. Matene eliris li eksteren, stumblis kaj falis en la puton. Felixe, la akvo tie malmultis. Ne dronis nia blindulo, nur malsekiqis, kiel muso dum pluvo. Sidas li en la puto, eliri ne povas.

Iris lia edzino por akvo. Ekvidis wi la edzon en la puto, miris kaj demandis:

— Kial do vi, edzo mia, enputiqis?

La blindulo tuj trovis, kion diri:

— Rigardas mi — la puto ne estas en ordo. Tro multe da koto akumuliqis. Jen mi decidis purigi qin. Portu vi, karulineto, wtuparon al mi, xar la mian najbaro prunteprenis kaj ne redonas.

Dirinte tion, la blindulo kliniqis kaj elputigis kelkajn manplenojn da koto.

Kompatis la edzino sian edzon: tiom laborema li estas, xiam laboron serxas.

Kuris wi, alportis la wtuparon kaj diris:

— Sufixas, karulo. Laboristoj mem tion faros, elputiqu tuj, xar vi malvarmumiqos.

Frostotremas la blindulo, sed wajnigas, ke ne volas laboron lasi. Nevolonte li elputiqis.

Post kelkaj tagoj edzino de la blindulo iris al bazaro, kaj bopatrino kuiris la glueman rizon je vapore. Metis wi plenan tason sur portilon kaj alportis por la bofilo. Sed nenion wi diris al li, silente lasis la manqa[on kaj foriris pro aliaj okupoj.

Subite venis hundo kaj formanqis la tutan rizon el la taso. Revenis la bopatrino, ekvidis malplenan tason.

— Xu vi jam xion manqis? Xu ne volas ancoray iom da rizo? — wi demandis la bofilon.

Ekaydis blindulo pri la rizo, konjektis, kion la hundo maxis, kaj rapide respondis:

— Dankon, patrineto, mi jam satmanqis.

Sekvatage la edzino denove foriris al bazaro, kaj la bopatrino denove kuiris la glueman rizon je vapore kaj portis qin al la blindulo, sed tason forgesis. Kuris

wi por la taso en kuirejon, portis qin, starigis sur portilon, donas al la bofilo. Aydas la blindulo ion moviqi apude. Decidis li, ke denove hundo venis la rizon frandi. Volis la junulo hundon forpeli, mansvingis kaj trafis quste en la okulon de la bopatrino. Tiu falis, ekqemis, ekkriis, helpon petis.

Kiam la edzino el bazaro revenis, la bopatrino rakontis xion al wi, nomis la bofilon senhonta malklerulo.

Koleriqis la edzino, sed la blindulo trankvile diras al wi:

— Lay niaj kutimoj, nur edzino povas doni rizon al la edzo. Krome, la bopatrino estas tro juna. La unuan fojon mi toleris, sed wi la duan fojon la kutimon malobeis. Jen devis mi bati la estimindan virinon, por ke en la domo estu ordo, por ke najbaroj vane ne klaxu.

Ekaydis tion la edzino kaj bopatrino, decidis, ke li pravas, kaj xesis ofendiqi kontray li.

Post kelkaj tagoj la edzino sendis lin kun laboristoj en arbaron por akiri ligna[on por fari plugilojn.

— Hodiay ni iras en arbaron, — diras la blindulo al laboristoj. — Survoje ni kantu kaj nin voku por ne timi.

Laboristoj tiel faris. La blindulo iris inter ili, ayskultis la voxojn kaj felice atingis necesan lokon. Laboristoj elektis la konvenan arbon, hakis qin, metis surwultren kaj ekportis. La blindulo subite malsaniqis. Ordonis li al laboristoj porti la arbon al la domo, mem kuwiqis.

Balday survoje aperis du rajdantoj. Ekvidis ili homon kuwi kaj qemi, demandis:

— Kio okazis al vi, junulo?

Tiu respondas:

— Iris mi en arbaron por haki la arbon, plugilon fari. Nenion mi sukcesis fari kaj jen malsaniĝis.

La rajdantoj kompatis la junulon, hakis la arbon, faris bonegan plugilon, donacis al li. Poste surxevaliĝis kaj forveturis.

Intertempe venis laboristoj al la edzino de blindulo, rakontis, ke wia edzo malsaniĝis kaj restis en arbaro xevoje. Prenis wi kuracilon kaj kuris por helpi la edzon. Atingis wi la lokon, kie li restis. Alvenas wi, sed la blindulo ja win ne vidas, ne renkontas, ne qojas. Ofendiĝis wi, riproxis la edzon.

— Pardonu min, karulino, — diris la blindulo, — mi [us finfaris la plugilon, admiris mian laboron kaj ne rimarkis vin.

Ekvidis wi la plugilon. Bona qi estis. Xesis wi koleriĝi, prenis la edzon je la mano, kaj ili kun la nova plugilo hejmen revenis. Kiam la bopatro ekvidis la plugilon, longe li laydis la bofilon, kaj xiuj miris pri bona laboristo en la domo.

Baldaj okazis festo de rikoltofino. En la domon de la blindulo venis multaj gastoj. Xiu prenis en sian tason plaxan manĝa[on el diversaj pladoj. La junulo sidis sen manĝi. Pripensis li kaj diris:

— Xu ne estus pli bone, ol atingi xiun pladon kaj meti por si mem, miksi manĝa[ojn kaj dividi inter xiuj — tiel estos pli oportune kaj pli bonguste.

Decidis homoj, ke pravas la mastro, miksis xiujn manĝa[ojn kaj dividis je egalaj partoj.

Sidas la blindulo kaj manĝas kune kun la gastoj.

Kaj kiam li manqis la sorxan pecon da bubala[o, okazis miraklo — li ekvidis. Sed jen anstatay qojo en la animo de junulo aperis maltrankvilo: kiu el virinoj estas lia edzino? Kaj elpensis li ruza[eton: li wajnigis sin ebriulo kaj ekflirtis kun xiuj virinoj. La edzino lia pro [aluzo paliqis, ekstaris kaj forkondutis la edzon. Tiel la junulo ekkonis sian edzinon.

Rakontis la saqa bofilo mem.

(El: «Esperanta ligilo», n— ro 4/2012)

RESPONDO AL LA ENIGMO DE A.I. [UKOVA

Qi estas parolanta horloqo.

ЗАТЕЙНИК

ЛЕРМОНТОВСКАЯ ВИКТОРИНА

Хорошо ли вы знаете биографию и творчество Михаила Лермонтова? Проверьте себя, а если ответы на эти несложные вопросы вызовут у вас затруднения, немедленно выключайте свои компы с онлайн-играми, откладывайте свои любимые гаджеты и читайте классика. Не пожалеете, и на все вопросы второго этапа нашей викторины вы ответите не задумываясь.

1. В каком городе родился Лермонтов?

- А. В Москве;
- Б. В Пензе;
- В. В Санкт-Петербурге.

2. Кто из известных государственных деятелей России был родственником Лермонтова?

- А. Столыпин;
- Б. Витте;
- В. Победоносцев.

3. Какое произведение Лермонтова сделало его имя известным во всей России?

- А. «Парус»;
- Б. «Смерть поэта»;
- В. «Маскарад».

4. *Какое произведение Лермонтов первым издал под своим именем?*

- А. «Парус»;
- Б. «Бородино»;
- В. «Пророк».

5. *Какая лермонтовская строка стала названием повести В. Катаева?*

- А. «На севере диком»;
- Б. «Белеет парус одинокий»;
- В. «У врат обители святой».

6. *Вставьте пропущенное слово в строки стихотворения Лермонтова «Одиночество», ставшие афоризмом: «Делить веселье все готовы. Никто не хочет ... делить».*

- А. Труд;
- Б. Грусть;
- В. Срок.

7. *С каким зверем сражался молодой монах Мцыри в одноимённой поэме Лермонтова?*

- А. С тигром;
- Б. С волком;
- В. С барсом.

8. *У кого из великих русских поэтов есть, как и у Лермонтова, произведения «Кавказский пленник» и «Пророк»?*

- А. У Пушкина;

- Б. У Некрасова;
- В. У Жуковского.

9. *О каком произведении Лермонтова Белинский сказал: «Гениальное разрешение задачи создания поэмы в народном стиле»?*

- А. «Бородино»;
- Б. «Мцыри»;
- В. «Песня про купца Калашникова».

10. *За 13 лет творчества Лермонтовым было написано более 400 стихотворений, около 30 поэм, 6 драм. А сколько романов он написал?*

- А. Два;
- Б. Три;
- В. Пять.